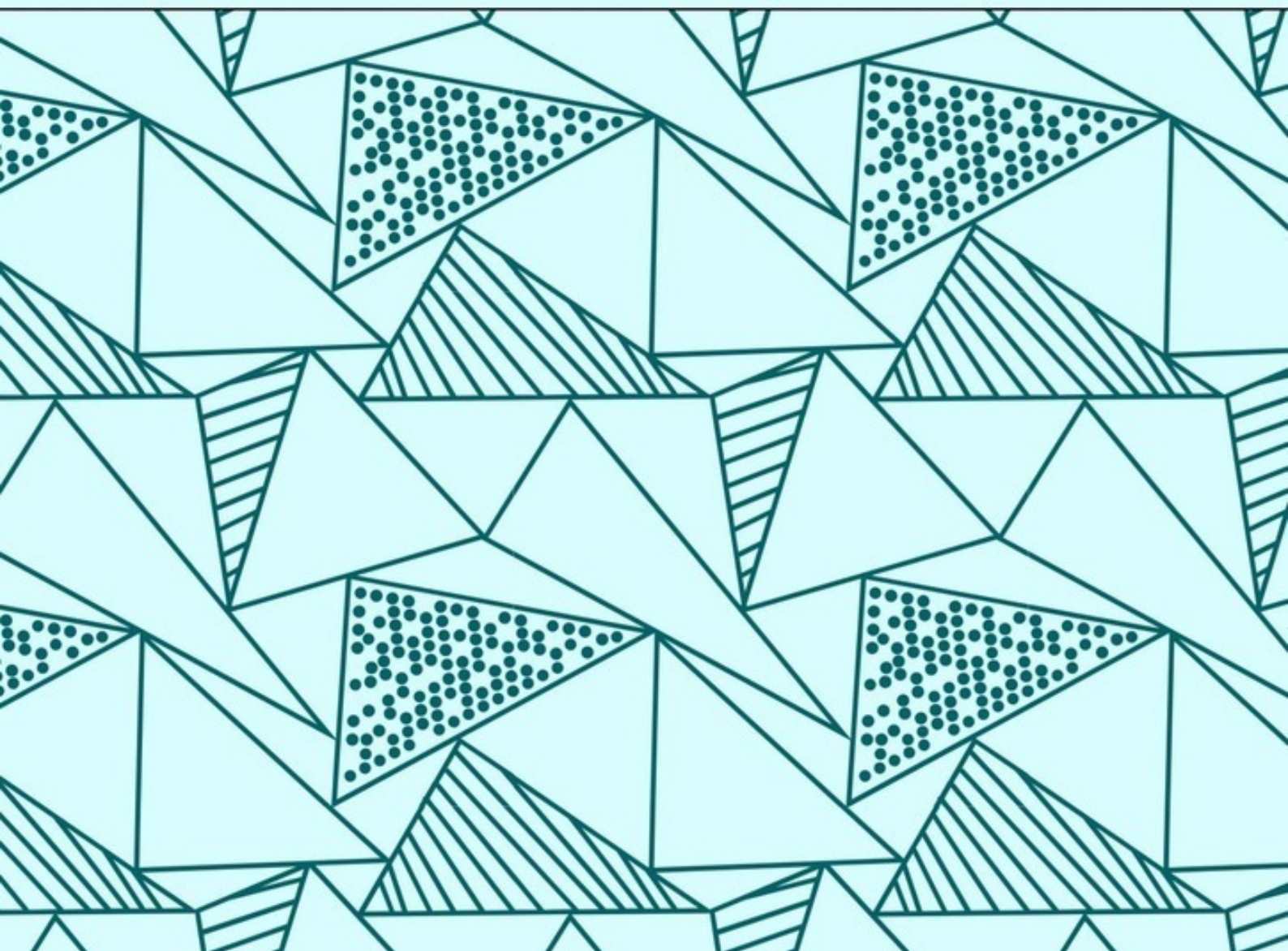

Александр Беляев

Лиана

Хроники затомиса

Александр Беляев

Лиана. Хроники затомиса

«Издательские решения»

Беляев А.

Лиана. Хроники зтомиса / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835113-6

Главный герой, работая на скорой помощи, приходит на вызов к необычной пациентке и влюбляется в нее с первого взгляда. С этой встречи жизнь его меняется бесповоротно, но любовь приводит героя к весьма драматическим последствиям.

ISBN 978-5-44-835113-6

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Удивительная пациентка	6
ГЛАВА 2. Сотворение кумира	42
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лиана
Хроники затомиса
Александр Евгеньевич Беяев

© Александр Евгеньевич Беяев, 2016

ISBN 978-5-4483-5113-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Удивительная пациентка

Через два месяца Андрей поправился, и рентген показал, что очаги пневмонии полностью рассосались. Леночка успешно окончила первый курс, а Андрею пришлось взять академический отпуск, чтобы приступить к занятиям второго семестра с февраля следующего года. В августе они на месяц съездили в Палангу на Балтийское море, отпуск провели размеренно и скучно: много ели, мало двигались. Да и с погодой не повезло: примерно через неделю после их приезда похолодало, зарядили дожди, так что покупаться и позагорать удалось только вначале. Андрей снова затосковал о Несбыточном: эти дюны и их полупустынный вид напомнили ему берег у моря Вечности, где он впервые встретился с Единственной, столь непохожей на его Леночку. Правда, само серое штормовое море мало напоминало те голубые хрустально-прозрачные воды, в глубинах которых он плавал безо всякого акваланга и собирал розовые жемчужины для ожерелья в подарок любимой...

Вечерами он бродил по берегу, не замечая Леночку и не слушая ее болтовню, собирал мелкие крупички янтаря и припоминал все новые и новые детали того удивительного сновидения.

Из-за пассивности и вялости Андрея ребята так и не обзавелись новыми друзьями и уезжали в Москву с каким-то тяжелым чувством: им обоим казалось, что это их первый и последний совместный отдых, хотя ни он, ни она не признались в своих предчувствиях: внешне все выглядело по-прежнему, и даже их захиревшая интимная жизнь несколько оживилась – но кроме секса там было просто нечем заниматься.

Итак, молодые супруги вернулись в Москву, Леночка вновь приступила к занятиям в институте, а Андрей устроился медбратом на подстанцию «Скорой помощи», поскольку даже фельдшером он смог бы числиться только по окончании третьего курса. Он всерьез рассчитывал использовать свои навыки целителя и экстрасенса в нелегкой работе «скоромощной бригады», но, увы, реальная жизнь разбила его благие намерения вдребезги: короткий визит врача и огромное количество вызовов не оставляли времени для каких-то колдовских манипуляций, поэтому в основные обязанности Андрея входило делать внутримышечные и внутривенные инъекции и заполнять всякие карточки (врачи старались сбрасывать эту рутинную работу на младший медперсонал).

Не будем описывать все любопытные и трагические сцены, которые щедро преподносила «скоромощная» деятельность новоиспеченному медбрату. Стоит только упомянуть, что ему пришлось побывать на нескольких убийствах и самоубийствах и погрузиться в ночную изнанку жизни с ее бесконечной болью и отчаянием, когда после очередного дежурства он возвращался домой с тяжелым ощущением, что все эти идущие ему навстречу здоровые и благополучные на вид люди – чей-то чудовищный обман и что настоящая реальность – это посиневшие бабули и дедули, выгибающиеся в дугу эпилептики, корчащиеся в гипогликемической коме диабетки и вскрывшие себе вены наркоманы. А самым страшным в этой скрытой ночной жизни являлась ее будничность: это были не отдельные эпизоды, иногда случающиеся в жизни каждого человека, а поток непрекращающегося страдания, к которому со временем у любого медработника вырабатывается привычка, и каждый страждущий для него из отдельной судьбы превращается просто в объект профессиональной деятельности – когда уже ничто не ужасает, а сострадание притупляется.

Однажды в середине ноября, в разгар острых респираторных заболеваний, в одно из дежурств почти половина сотрудников подстанции не вышла на работу: кто только что заболел, кто еще не выздоровел, а вызовов оказалось не меньше, если не больше, чем обычно, и, хоть это было и не положено, большую часть посещений Андрею приходилось выполнять одному, без врача, поскольку он был студентом медвуза и хорошо освоил основные нехит-

рые приемы первой помощи. Уже ближе к вечеру поступил вызов, и в книге записей диспетчер кратко пометила: «Л. Кремлева. 31 год. Плохо с сердцем». Все врачи были на вызовах, и Андрея в очередной раз отправили одного. Про себя он отметил, что наконец-то молодая пациентка – от немощных, дурно пахнущих бабуль и дедуль из коммуналок его уже просто тошнило. Нужный дом оказался на Староватутинском переулке, не так далеко от места жительства Андрея, двери ему открыл интеллигентного вида и могучего телосложения мужчина лет 30 и пригласил в комнату к больной. Проходя через центральную большую комнату, Андрей встрепенулся: стены были увешаны разной величины картинами в простых рамках, выполненные темперой на листах ватмана, наклеенных на картон. Это были странные красочные фантазмагии, некоторые из них показались Андрею чем-то знакомыми: на этой и вот этой он заметил некоторое сходство с ландшафтами из своих астральных путешествий – тот же колорит, те же цвета, геометрические формы зданий Антимосквы, а вот место, схожее с тем, которое он видел на подходе к Нарову: тот же пустырь, та же роща посередине, те же безрадостные дома, то же черное небо без единого знакомого созвездия... Другие картины не напоминали ничего из его собственного мистического опыта: какие-то планеты с фантастическими пейзажами, звездные протуберанцы, удивительный мир гигантских цветов и множества радуг. Какие-то космические качели. А вот... Нет, это он тоже где-то видел: красный мир, красное небо, красные горы, и этот мир пересекает удивительная комета: два обнаженных тела – мужское и женское, слившиеся в страстном объятии, ноги которых постепенно превращаются в световой поток, уносящийся куда-то вниз. Господи! Да ведь это же Рам с Дургой!

– Нравится? – усмехнулся мужчина. – Это моя жена рисует. Проходите сюда, доктор.

Проглотив наименование «доктор», которое было, очевидно, произнесено с целью польстить – по возрасту Андрей никак не тянул на врача, наш герой проследовал в небольшую комнатку, где на диване в индийском шелковом халате лежала пациентка.

– Ну, что с Вами случилось? – произнес Андрей дежурную фразу, впервые посмотрев в лицо лежащей, и опешил: он совершенно отчетливо вспомнил это красивое лицо в обрамлении пышных, слегка вьющихся темно-каштановых, почти черных волос. Это лицо он видел, когда выходил из общества биоэлектроники на Фурманном после лекции доктора Чаровского, когда пара огромных темных глаз словно бы отпечаталась на его мысленном экране. Запомнил он и необычное имя, которое ему назвал Чечик, Лиана.

Андрей смутился, глянул в сторону стоявшего в дверях мужа пациентки. Женщина, казалось, тоже что-то припомнила и внимательно посмотрела на Андрея.

– Со мной час назад приступ случился, – произнесла она мягким грудным голосом, напоминающим голос Татьяны Дорониной. – Голова закружилась, на некоторое время сознание потеряла, сейчас в области левой лопатки словно бы кол сидит, и нога и рука плохо слушаются.

Андрей проверил черепно-мозговые рефлексы: определялся небольшой нистагм слева, патологических знаков, которые могли свидетельствовать о центральных очагах, вроде бы не было, правда, мышечная сила конечностей справа оказалась снижена и несколько оживлены сухожильные рефлексы.

– Похоже на динамическое нарушение мозгового кровообращения, – озабоченно сказал он, закончив осмотр. – Я бы предложил Вам госпитализацию.

– Не надо, – мягко, но решительно произнесла женщина (Андрей сразу поймал себя на желании подчиняться любым ее просьбам). – Это со мной частенько бывает, случаются приступы и посерьезней. Вы не беспокойтесь, дня через три и следа не останется... до нового приступа. Я своими силами выкарабкиваюсь. Вы не беспокойтесь, напишите в карточке, что больная от госпитализации отказалась.

– Ну, тогда я Вам хотя бы укол сделаю, а то ведь так можно и до инсульта доиграться! – быстро согласился Андрей и, не встретив сопротивления со стороны женщины, сделал ей в вену лезекс с эуфиллином и коргликоном.

– Какая у Вас рука легкая! – сказала женщина, когда Андрей вытаскивал иглу. – А то тут месяц назад медсестра мне всю вену истыкала, никак попасть не могла.

Она как-то резко взглянула на мужа, молча наблюдавшего за манипуляциями Андрея, и тот, словно уличенный в чем-то предосудительном, закрыл дверь и, судя по шагам, ушел на кухню.

– Извините, – продолжила она, – завтра вызову врача из поликлиники, надо взять больничный, полежать несколько дней.

– И часто это с Вами бывает? – задал Андрей дежурный вопрос.

– Да, мелкие приступы частенько, а такие, как сегодня, три или четыре раза, поэтому-то я «Скорую» и вызвала... Ладно, это все лирика, пусть с этим поликлинические эскулапы разбираются. Спасибо вам за помощь, не буду Вас больше задерживать – мне уже гораздо лучше, и сердце вроде как отпускает.

– Послушайте... – почему-то от мысли, что он вот сейчас уйдет и никогда ее больше не увидит, Андрею сделалось тоскливо – и потом, эти картины! Он не знал, как задержать свой визит хоть еще на короткое время. – А Вы из тела перед приступом не выходили? – выпалил он, словно кто-то потянул его за язык.

– Что?! – женщина удивленно вскинула брови. – Как Вы догадались? Да, это мое обычное состояние!

– Так, кое-что заметил, – смутился Андрей. На самом деле он не смотрел женщину на ментале – на это не было времени – и сделал предположение просто по наитию.

– Вы, я вижу, сэнс, из нашей братии, – усмехнулась женщина, глянув куда-то сквозь Андрея. – Анахата, правда, слабенькая, так что в основном Вы на Манипуре работаете – но Вы так молоды, и перспектива, думаю, у Вас неплохая. Каким же ветром Вас на «Скорую» помощь занесло? Вы же свой дар загубите в этой текучке. Вот и сейчас Вы совсем зауклены: тело сопротивляется непривычным отрицательным воздействиям.

– Да я понимаю, – смущенно ответил Андрей. – Я учился в первом меде, сейчас в академке. Решил полгода на «Скорой» поработать, думал – прекрасная почва, чтобы как сэнсу попрактиковаться, а вышло все наоборот – какое там биоэнергетическое целительство, тут на больного и посмотреть некогда:

Лей, братишка, сколько можно

Внутривенно и подкожно,

В мускулюс глютеус и пер ос.

Ну да ладно, в феврале я уже в институт возвращаюсь, а со «Скорой» уволюсь. Кстати... – (Андрей преодолевал последнюю робость.) – Я Вас, кажется, видел на Фурманном, и зовут Вас Лиана, простите, не знаю отчества...

– Просто Лиана, – усмехнулась женщина. – Вас я, к сожалению, не помню, но и не удивительно, там много народу шляется. И как Вы туда попали?

– Я от группы Бориса Саныча Балашова туда попал. Знаете такого?

– Знаю, знаю, – заулыбалась Лиана, – прекрасный целитель, как у него сейчас дела? Увидите, передайте привет от Лианы Кремлевой. – Вот это вряд ли, – мрачно ответил Андрей, – а Вы что, не знаете?

– А что случилось? Лично я давно его не видела, наши пути редко пересекаются.

– В психушке Борис Саныч, – криво усмехнулся Андрей, – КГБ запрятал с якобы вяло-текущей шизофренией. Разумеется, никакой шизофрении у него нет, этот диагноз специально кгбэшные медики-халуи выдумали для диссидентов и разных неугодных. Когда его теперь выпускают – одному Богу известно... ох, да что это я о неприятном, Вам же волноваться нельзя!

– Не только не нельзя, но и необходимо, – грустно улыбнулась Лиана. – Если я не буду сопереживать, то вряд ли смогу заниматься тем, чем занимаюсь... очень Вы меня расстроили. А ведь, когда мы последний раз с Балашовым виделись, я чувствовала над ним угрозу. Я еще

его предупреждала, чтобы он слишком не высвечивался, опасность идет, да он, как всегда, не внял, понадеялся, видимо, на астральную защиту, но где-то что-то не доглядел, вышел пробой – и вот, пожалуйста... Ладно, мы с Вами заговорились, Вам же, наверное, на очередной вызов надо.

– А Вы свой телефончик не дадите? – Робко попросил Андрей. – Я бы лично хотел убедиться, что с Вами все благополучно... и потом, не сочтите за дерзость, но мне кажется, нам есть что друг другу рассказать.

– Вы думаете? – почти кокетливо посмотрела на него Лиана.

«Быстро же она оклемалась!» – подумал Андрей.

– Ну, если хотите, записывайте, – она продиктовала телефон. – Звоните лучше вечером и не удивляйтесь, если будет по часу-полтора занято. Это не потому, что я такая болтушка, я иногда делаю сеансы по телефону.

– Но Вам же нельзя сейчас лечить!

– Ничего не подделаешь, кому-то может быть хуже, чем мне, – решительно закончила Лиана разговор.

«Господи, какая женщина, какая женщина! – думал Андрей, забираясь в машину, не обращая внимания на недовольство шофера по поводу его долгого отсутствия. – Ей хочется повиноваться, ей хочется служить... а впрочем, нужна ей твоя служба, кто ты и кто она! Нет, конечно, кто она я пока не знаю, но чувствую: что-то огромное, грандиозное, что-то уровня Елены Рерих! Неужели я смогу ее еще увидеть? Даже жутко делается! И такой хрупкий цветок, вдруг с ней еще что-то случится, ведь динамическое же нарушение налицо».

Он почему-то вспомнил круглое простоватое лицо своей супруги, ее рыхловатое, пухлое, правда, когда-то желанное тело и загрустил: «Нет, такая женщина не для тебя, не для мальчишки недоучки, довольствуйся своей пампушкой и не смей думать о Божественном!» – Андрей понял, что окончательно, без памяти влюбился в Лиану, побыв у ее постели всего полчаса.

Ночь дежурства прошла относительно спокойно, был еще один вызов, большую часть времени до конца дежурства Андрей лежал без сна на жестком топчане и сочинял стихотворение, посвященное Лиане. К утру у него получилось вот что:

К Бхагавати

Впервые слова не достойны служить,
И торт восхищенья нелеп и не нужен.
Лиана! Прости нас за то, что мы хуже,
Что ранам любви невозможно зажить.

Святую вместившая, тает шагрень,
Круг жизни сжимает целящая сила.
Боль каждой слезинки, что ты иссушила
В шипах состраданья на сердце-заре.

Печальной Мадонны земной аватар...
Склонись же, начетчик, к стопам христианки!
Всю книжную мудрость за каплю из ранки,
Весь мой пониманья беспомощный дар
Сменял бы. Да только мое не вместит
И капельки крови, уроненной Вами!
Там страждущих боль понимают руками,

Там некому личных потерь возместить...

(О том, что Лиана именно христианка, несмотря на несколько восточные черты лица и странное имя, Андрей решил, заметив на ее груди маленький золотой крестик, ведь в те годы далеко не все отваживались надеть его на шею.)

Утром, вернувшись с дежурства, он забылся глубоким коротким сном, а проснувшись и наскоро пообедав (Леночка была еще в институте), начал накручивать телефон Лианы, благо повод казался достойным: справиться о ее самочувствии. Как она и предупреждала, телефон был занят около часа, и Андрей весь извелся, боясь, что из института вернется Леночка, и тогда позвонить будет невозможно. Наконец, в трубке раздался мягкий грудной голос.

– Здравствуйте! – волнуясь, забормотал Андрей. – Это вам звонит вчерашний... – он запнулся, не зная, как представиться: «медбрат» звучало несолидно, «доктор» – излишне самоуверенно – какой он доктор на первом курсе... – сотрудник «Скорой помощи», – выдал он из себя неопределенное наименование. – Вы мне вчера телефон дали, вот решил позвонить, узнать, как Вы себя чувствуете. – А, наш милый доктор! – Раздался в трубке обрадованный голос. (Этого Андрей никак не ожидал) – А я только что о Вас думала, – и Вы позвонили. Долго жить будете... в отличие от меня... – прозвучало в трубке с горьким сарказмом. («Она обо мне думала!») – Пропело в душе Андрея, – «Она рада моему звонку!») – Спасибо, уже гораздо лучше, правда, рука и нога еще немного немеют, но действуют уже вполне прилично. Вы, я чувствую, уже давно пытаетесь пробиться, но, как предупреждала, у меня был сеанс по телефону с одной давней моей пациенткой.

– Что Вы делаете! – Робко упрекнул ее Андрей. – У Вас же только вчера тяжелый приступ был, больные должны понимать, да и приступы, очевидно, из-за перегрузок.

– Больные здесь ни при чем! – уверенно ответила Лиана. – Причина приступов другая... Но я не хочу об этом сейчас говорить. А девочка, с которой я работала, – мой крест, с ней я занимаюсь в определенные дни, в определенное время, и пропуски очень нежелательны.

– А что с ней? – заинтересовался Андрей. – Я ведь сам биоэнергетическим целительством занимаюсь, как вы знаете.

– У нее была злокачественная опухоль мозга – астроцитомы – пять лет назад в районе турецкого седла. Опухоль появилась в три года и быстро росла. К тому времени, как Олечка ко мне попала, жить, по расчетам врачей, ей оставалось месяца два-три. Опухоль мне удалось рассосать, и все это подтверждено рентгенологически. К сожалению, зрение, которое девочка потеряла из-за локализации опухоли, так и не вернулось, – увы, чуда не произошло! С этого времени мне приходится периодически с ней работать, никакой гарантии, что опухоль снова не вернется, у меня нет.

– Как же это чуда не произошло?! Вы же рак рассосали! Этого же с точки зрения классической медицины вообще не может быть.

– Мне об этом говорили, – немного осадил его Лиана, – но я очень надеялась, что зрение вернется. К сожалению, я переоценила свои возможности. Да и потом, какое имеет значение точка зрения классической медицины, Вы же биоэнергетик!

– Да нет, я теоретически все допускаю, но практически... За рак даже Балашов не брался.

– Балашов не брался, и я бы не бралась, но когда идет ответ, что я что-то могу сделать, приходится браться. Это, конечно, не означает, что я могу исцелять любой рак. Нет, просто иногда мне удается рассосать опухоль. И, как правило, я заранее знаю, когда это может получиться. Правда, необходимо, чтобы все мои рекомендации исполнялись в точности, какими бы нелепыми они на первый взгляд ни казались. Родители этой девочки беспрекословно исполняют все, что я им говорю...

– А как Вы относитесь к стихам? – несколько не к месту выпалил Андрей.

– Смотря к каким, – раздалось в трубке, – хорошие очень люблю.

– А я мог бы Вам кое-что из своего показать? Хотелось бы Ваше мнение услышать. – («Вот и повод для встречи!» – мелькнуло в голове Андрея).

– Вы пишете стихи? Замечательно! – оживился голос Лианы. – Очень бы хотелось посмотреть.

– Тогда как бы мне с Вами о встрече договориться? – обрадовался Андрей. – Конечно, когда Вы себя хорошо чувствовать будете.

– Позвоните дня через три, думаю, у меня будет свободное время.

«Как прекрасно все складывается! – возбужденно думал Андрей, вешая трубку. – Определенно, она была рада моему звонку – и сразу же согласилась встретиться, хоть она и замужняя и очень занятая женщина. А впрочем, что ты о себе возомнил! У нее, небось, почитателей пруд пруди, и наверняка есть люди подостойнее тебя... Ладно, не буду себе голову забивать, а то эк воображение разыгралось! Кстати, ты ведь тоже не свободен, о Ленке-то забыл?»

Да, действительно, Андрей отметил, что совершенно не думал в связи с новым знакомством о своей жене. Его кольнули угрызения совести, ведь Леночка была ни в чем не виновата и по-своему любила его. А он? А он влюбился без памяти в Лиану и готов броситься за ней хоть в омут, если она его, конечно, туда позовет.

«В конце концов, – начал мысленно оправдываться Андрей, – ничего пока не произошло, совесть моя перед ней чиста, да и что я – виноват, что со мной такое творится? Ленку я никогда по-настоящему не любил, очевидно, сердце ждало достойную... И хватит себя изматывать дурацкими угрызениями совести, скорее всего, ничего такого и не случится, а препятствовать своим чувствам у меня просто нет сил!» И это была правда: какой-то частью своего существа Андрей чувствовал, что его увлекает могучий водоворот и он не только не сопротивляется ему, но готов ринуться в самую пучину, не думая о последствиях.

Три дня Андрей терпеливо ждал права на звонок. С Леночкой он все же, чувствуя вину, был более ласков, чем обычно, и вроде бы не вызвал у нее никаких подозрений. Тщательно скрывая от жены, он написал еще одно стихотворение, которое назвал «К Бхагавати-2».

Вас любить – безумная затея,
Вас обнять, – что звездную туманность.
Звать «любимой» лунное сиянье?
Звать женой виденье, светотень?
В ком, увы, в противоречье тело
И вневременная осиянность,
В каждом слове слышится «Осанна»,
Каждый слог в прощенье оперен.

Вас любить как женщину нелепо,
К Вам припасть иль к праху ваших туфель —
Ритуал бессмысленный и глупый,
След полета чист, неуловим.
Ведь зовет на землю грубый слепок
Все слабей, став боли мрачным склепом
Той, чей дом – небесный светокупол,
Нам, слепым, неведом и незрим.

В Вас услышать зов иного мира,
Вашу тень ловить в движеньях света,
В поисках потерянного Бога
Обрести уверенность и явь.

Знать: бессильна внешних бед секира
Над душой с космической метой,
Если слышишь пульс святого слога,
Если слит с Любовью в дивный сплав.

Андрей несколько раз удовлетворенно перечитал свое последнее творение, потом перечитал «К Бхагавати-1»: ему показалось, что написано здорово.

«Надо же, – подумал он удовлетворенно, – никогда женщинам стихи не посвящал. Хотя, почему же не посвящал?» Он вспомнил стихотворение «Я и ты» и по своему обыкновению загрустил: так было всегда, когда он вспоминал Единственную. Андрей попытался себя убедить, что Лиана и есть его Единственная, что его давняя странная встреча-сновидение имела аллегорический смысл, но чем больше он сравнивал образ Лианы с образом Ани, которая в его памяти осталась все той же десятилетней девочкой, тем больше понимал, что ни внешне, ни внутренне они не соответствуют друг другу, и уж если Лиана кого-то напоминает, то настоятельную храму Кали-воительницы Дургу. А впрочем, возможно, это была только его фантазия.

В условленное время Андрей позвонил Лиане, и они договорились встретиться с утра на ВДНХ, поскольку у Андрея был свободный день после дежурства, Лиана еще сидела на больничном, а в будний день в середине ноября на ВДНХ народу всегда прогуливалось немного.

Лиана, как и положено уважающей себя даме, опоздала на полчаса. В ее ушах поблескивали дорогие бриллиантовые сережки, и от волос исходил терпкий горьковатый осенний запах «Маже нуар». Андрей галантно припал к ее ручке, которую Лиана подала ему, скорее всего, для рукопожатия, и они двинулись вдоль павильонов, которые в свое время должны были олицетворять социалистический рай, а теперь изрядно пообветшали и облупились.

– Замечательная погода! – по-английски начал Андрей. – Сухо, не холодно, хотя я люблю эту пору даже в ненастье. Совсем как Александр Сергеевич, – добавил он с некоторой иронией, словно желая провести некую параллель между своим увлечением и именем великого поэта. – Душа поздней осенью, как пруд в парке: вода очищается, муť оседает, этакая холодная, прозрачная, слегка грустная ясность...

– И на дне всякая дрянь становится видимой... – ему в тон добавила Лиана.

– Да, наверное, вы правы, – засмутился Андрей, – конечно, и дрянь становится видимой, но мне кажется, это все же честнее, чем когда вода мутная и ни черта в ней не разглядеть, по крайней мере, в такой воде нет подвоха. Да и состояние дна зависит от того, кто за этим прудом присматривает, его, в конце концов, можно и почистить.

– Теоретически Вы правы, – улыбнулась Лиана, – а на практике... Я, например, никогда в парковых прудах не видела чистого дна. Но, в конце концов, эта аллегория совсем не обязана во всех деталях соответствовать тому, о чем Вы говорите, мне верится, что Ваше дно гораздо чище, чем у многих, и Вам не страшно глядеть в прозрачную воду своего сознания.

– Иногда страшно, – признался Андрей. – Когда я говорил о поздней осени, я имел в виду несколько другое, поэтическое настроение что ли, а то, на что вы намекнули, у меня ассоциируется скорее с прорывами в свои прежние воплощения, древнюю память. У меня было несколько таких экскурсов, и некоторые вещи, которые я там видел, просто ужаснули меня.

– Вам удавалось видеть сценки из Ваших прежних воплощений? – подняла брови Лиана. – Вы, оказывается, гораздо глубже, чем мне вначале показалось, и у нас много общего. Я подобными просмотрами занимаюсь чуть ли не каждый день. Муж уже Бог знает сколько тетрадей исписал с моими пересказами. Я бы, конечно, могла и сама, – добавила она, видя, что Андрей несколько поник при упоминании о муже, – но я через какое-то время забываю многие существенные детали, а так я ему диктую прямо во время просмотра. Смее Вас уверить, что тоже иногда вижу ужасные вещи, но все это нельзя напрямую относить к себе. Вереницу жизней можно сравнить с бусами: все они нанизаны на ниточку духа, но каждая из них сама-

по-себе. Могут встречаться хорошо обработанные бусинки, а другие будут иметь различные дефекты. И уж никак последующая бусинка не несет ответственность за предыдущую – просто их связывает единая нить, которая совсем иной природы.

– Ну, я с этим не согласен! – запротестовал Андрей. – Есть же законы кармы. Каруна шарира впитывает в себя информацию о поступках и грехах, которые человек совершил в одном воплощении, и переносит ее в другое для проработки. Иначе бы не было эволюции, и человек не смог бы достичь Нирваны.

– Вы знаете, – усмехнулась Лиана, – у меня с терминологией плоховато. Я вообще не продвинутая и доверяю только тому, что вижу сама. Что такое эти, как Вы выразились, «шарира», я не знаю, но я много раз наблюдала во время своих экскурсов в прошлое, что одна жизнь может пройти чисто и безгрешно, а другая становится водоворотом греховных поступков – и какой-то целенаправленной эволюции от грешника к праведнику я не заметила. Очень уважаю книжную мудрость, но сама подобной литературы мало читала, а уж термины совсем плохо запоминаю, так что не обессудьте, если мои понятия с Вашими будут несколько расходиться.

– Не буду с Вами спорить, – быстро сдал свои позиции Андрей, – может, Вы и правы, у меня было не так много экскурсов в свои прежние жизни, и я пока что не выстроил какой-то строгой собственной концепции. Хотя все же казалось, что я несу ответственность за то, что совершил раньше.

– Конечно, несете, – уверенно ответила Лиана, – но по-другому, чем Вы себе это представляете, и эта ответственность вместе с новыми поступками составляет причудливый орнамент или танец жизни, и индусы называют его, по-моему, Лилой – игрой, вот этот термин я почему-то запомнила. Тут все зависит от искусства танцора и сложности танца, а его сложность может быть обусловлена разными обстоятельствами... Ладно, что-то мы с Вами в дебри метафизики залезли, а я, заметьте, женщина, и мне хочется говорить о более приземленных, душевных что ли, вещах. Вы, например, грозилась показать мне свои стихи. А знаете, лучше почитайте их сами, вон лавочка свободная. Естественно, не все, а достойные.

Они уселись на скамеечку, и Лиана не отодвинулась, когда Андрей сел так, чтобы касаться ногами ее ног. Он достал свой толстый блокнот, куда начисто записывал стихи и долго листал его, не зная, на чем остановиться. Все стихи, кроме последних, ему казались несовершенными, а последние ему было неудобно читать Лиане так сразу: может, когда-нибудь, но не здесь, и не сейчас. «Я и ты»... ведь это что-то вроде признания в любви кому-то другому. Неожиданно на глаза попало стихотворение, которое он написал под впечатлением от одного из пациентов – дряхлого старика, впавшего в полный маразм, который, словно маленький ребенок, всех спрашивал, где его папа с мамой, и Андрею запомнилось чувство какой-то тоскливой безнадежности в тусклых, покрытых поволокой глазах.

– Вот, пожалуй, – откашлялся Андрей, – сравнительно недавно написал, называется «Безнадежность».

Я бы назвал это мукой
Горьких обид в былом.
Бледные тонкие руки,
Мутный окна проем.

Тихо, в туман заброшенный
Чей-то унылый взгляд
Вынес в событий крошево
Тусклые два угля.

Или за образ тягостный,

Блеклых картин рассказ,
Словно от моря парусник,
Он отлучен от глаз.

Сумрак покинутых комнат
Душит песком невзгод.
Только одно и помнит:
Стены из года в год.

Пыль. Лишь в углу мерцает
Ветхих обложек ряд...
Только одно и знает:
Нету пути назад.

Андрей замолчал и перевел взгляд на Лиану, ожидая ее оценки. Лиана смотрела невидящими глазами куда-то вдаль.

– Кому посвящены эти стихи? – спросила она почему-то с некоторой хрипотцой. – Я вижу сценки из чьего-то детства: молодые мужчина и женщина, одетые, как одевались состоятельные люди в начале века. Они сидят в садике на скамеечке, а рядом на качелях качается мальчик лет пяти, в коротеньких штанишках и матросской курточке.

– Вы это видите? – взволнованно заговорил Андрей. – Потрясающе! Я эти стихи написал под впечатлением от одного старика в глубоком склерозе. Он все время спрашивал о своих маме с папой, которым, если бы они были живы, было не меньше ста лет. Наверное, Вы имеете в виду их? Но как вы догадались?

– Я не догадалась, – ответила Лиана, – я настроилась на Ваши стихи, и мне показали. Я никогда не знаю заранее, что мне покажут. Это как кинофильм. Прочтите что-нибудь еще.

Трудно сказать, что руководило Андреем, но наиболее удачными ему сегодня почему-то казались только мрачные стихи.

– Как пусто, лучше б боль была... – начал он читать еще один стон своей души, написанный после встречи с черным магистром.

– Ничего не могу понять, – удивленно посмотрела на него Лиана, когда Андрей закончил. – Вижу какой-то город... Но на земле такого быть не может, это какая-то совсем иная архитектура. Погодите... Я что-то такое раньше видела в астрале. Вы туда спускались?

– Да, – с видом во всем разочарованного Чайлд Гарольда ответил Андрей. – По-моему, это был ад. Дух, с которым я тогда беседовал, называл этот город Антимосквой.

– Да-да, – отозвалась Лиана, глядя вдаль остекленевшими глазами, – есть сходство с Москвой, но все как-то карикатурно, гротескно и жутко... Вы знаете, кто был этот дух?

– Он называл себя Черным магистром, но позже мне удалось выяснить, что это некий прообраз Мефистофеля, – не без тайной гордости скорбно ответил Андрей. – Он испытывал ко мне определенный интерес – это связано с моими прежними воплощениями. Сейчас не хочу об этом говорить, это долгая история. Но как вы... Балашов так не мог! Вы же все насквозь видите, в стихах об этом ни слова нет!

– Мне не нужны слова, – как-то растерянно улыбнулась Лиана. – Тот информационный пласт, который стоит за Вашими стихами, – его можно сравнить с айсбергом – и в этом айсберге есть надводная, маленькая и подводная, большая части. Эта подводная часть провоцирует меня на видения, и я вижу его какие-то грани, правда, не всегда могу понять, что вижу, но вы мне объяснили.

Несмотря на ожидания Андрея, что Лиана начнет говорить о том, как это плохо, что он забрался в нижние астральные ряды и общался с дьяволом, та не дала никакой нравствен-

ной оценки этому событию и попросила почитать что-то еще. Окрыленный вниманием и той серьезностью, с какой Лиана воспринимала услышанное, и, главное, теми удивительными комментариями, которыми она сопровождала его стихи, Андрей прочитал еще несколько своих произведений, таких же тоскливых и мрачных, и Лиана каждый раз точно описала скрытые обстоятельства, приведшие к возникновению того или иного стихотворения.

– Бедный ты мой! – вдруг вырвалось у нее из сердца, и к полной неожиданности Андрея женщина уткнулась лицом в его плечо. – Откуда такая боль?! Ты так несчастен в своей жизни? У тебя плохо с женой? – она, как показалось Андрею, с укором бросила взгляд на его обручальное кольцо. – Зачем же ты так рано?

– Да нет, – забормотал растерявшийся Андрей, – многие я еще до свадьбы... С женой, вроде, нормально живем, не ругаемся... Она меня любит, – добавил он неуверенно. – Сколько себя помню, меня постоянно такие настроения посещали.

– Не ругаемся... – грустно усмехнулась Лиана, отстраняясь от его плеча. – Иногда лучше ругаться. Мы с мужем тоже не ругаемся, но я медленно умираю рядом с ним. Думаешь, откуда эти приступы? От его присутствия, от его близости. Его энергетика разрушительно действует на меня, и с каждым годом все хуже. Думаю, что осталось мне совсем немного. И самое страшное, что он меня боготворит и безумно любит, но его любовь только убивает те капельки жизни, которые еще во мне остались. Он готов на все, лишь бы быть рядом. Мы ведь уже больше года не живем как муж и жена, но он и на это готов был пойти, лишь бы удержать меня рядом. Сначала, когда мы прекратили супружеские отношения, мне на некоторое время полегчало, но теперь стало еще хуже, он не может справиться с переполняющими его эмоциями.

– И давно у вас это? – тупо спросил Андрей. У него голова шла кругом от неожиданной откровенности Лианы.

– С первой брачной ночи близость с ним вызывала во мне отвращение, – Лиана смахнула ненароком выступившую слезу, – но я думала, это пройдет, как говорят, «стерпится – слюбится», а он всегда был чрезвычайно внимательным и благородным со мной, я не могла его огорчить, но лучше не становилось. По-видимому, вначале еще был небольшой резерв сил, но потом он исчерпался, и года три назад у меня начались эти приступы после каждой нашей близости. Я ничего ему не говорила, медленно угасала. Когда он понял, что может скоро меня потерять, то сам предложил на неопределенное время отказаться от супружеских отношений, что я восприняла с благодарностью. Сначала мне действительно стало легче, но потом... потом... все вернулось. Он дожидался, пока я, как ему казалось, засну, – а я не спала, все чувствовала, – и пытался во сне... ну не совсем, а так, чтобы я не проснулась... нет, не могу! Это так омерзительно! – и Лиана зарыдала, снова уткнувшись Андрею в плечо.

Боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть это горькое, но прекрасное мгновение, и не справляясь с нахлынувшей нежностью, Андрей начал гладить Лиану по голове, как когда-то гладил Леночку.

– Не надо меня по головке гладить! – отстранилась от него Лиана, размазывая косметику по лицу. – Не жалею меня, я не привыкла к жалости, а то еще сильнее плакать хочется, – сказала она голосом капризного ребенка. – Это минутная слабость, просто я увидела в нас много общего и потеряла контроль. Прости, думаю, это больше не повторится. Я ведь об этом только второму человеку рассказываю. У меня был друг... Недавно он разбился в горах – он был альпинистом... Я всегда изображала из себя сильную, у моих пациентов никогда не должно было возникать мысли, что в этом теле, – она как-то неприязненно оглядела себя, – ничего, кроме боли, не осталось. Меня всегда почитали, относились как к высшему существу, а это только усиливало мое одиночество и боль. Прости, сегодня не сдержалась. Стало жалко себя, захотелось высказаться хоть кому-то, хоть первому встречному.

Слова «первый встречный» больно укололи Андрея и поставили его на место. Он слегка отодвинулся от Лианы и снова постарался напустить на себя галантный, несколько отстраненный вид.

«Чего я о себе возомнил, – печально подумал он, – просто женщине плохо, и она решила выговориться. В таких случаях, чем человек постороннее, тем проще, особенно если не считаешься с ним дальше отношения поддерживать. И нечего далеко идущие планы строить. И все же... Я же теперь без нее жить не смогу! Неужели все этой прогулкой и закончится?!»

– А хотите... хочешь, я стихи о тебе прочитаю? – вдруг вырвалось у Андрея. – Это мои последние.

– Обо мне? – Лиана посмотрела на него с интересом. – Мне многие стихи посвящали, но в основном графоманство сплошное. Ну, прочти, если считаешь нужным, – она словно не заметила, что Андрей невольно перешел на «ты», хотя ни возрастом, ни положением она не годилась ему в подружки. – Только погоди, я себя в порядок приведу, а то Бог знает, на кого похожа! – Лиана достала косметичку, недовольно оглядела размазанную по лицу тушь и начала наводить марафет. – Все же надо выглядеть достойно, когда тебе посвящает стихи почитатель... Ты ведь мой почитатель? – игриво блеснула на него глазками Лиана, – от слез не осталось и следа. – Пока все, что ты мне прочитал, – лучшее из того, что я слышала из уст живых поэтов, а знала я их немало, – в том числе и маститых.

Андрей прочитал оба стихотворения одно за другим.

Поначалу она улыбалась несколько снисходительно, но когда он перешел к стихотворению «К Бхагавати-2», Лиана вдруг встрепенулась.

– Что, что ты об этом знаешь?! – спросила она взволнованно, вскинув свои прекрасные глаза на Андрея, когда он замолчал.

– Что именно? – не понял тот. – Я просто свои впечатления передал, прости... простите, если излишне дерзко. Наверное, не надо было так... сразу...

– В первом стихотворении нет особой подводной части, – не ответила на оправдания Андрея Лиана. – Так, эмоции переполняли юную душу, – она посмотрела на Андрея с немного виноватой полуулыбкой. – Не обижайся, но в меня часто влюбляются, я к этому привыкла. А вот за вторым я кое-что увидела, и это не просто мои ассоциации; такое впечатление, что ты тоже кое-что знаешь... из моего, самого сокровенного. Конечно, «небесный светочупол» можно воспринимать просто как поэтический образ, но я вижу, что эта метафора не случайна. Что ты знаешь о мире... – внезапно она осеклась. – Нет, об этом слишком рано, я тебя совсем почти не знаю! – ее глаза снова устремились в одну точку. – А впрочем, – сказала она каким-то совсем иным голосом, от которого у Андрея по позвоночнику прокатилась сладкая волна, – иногда мне кажется, что я тебя знаю безумно давно... Что ты делал последние лет пятьсот?

Нельзя сказать, что вопрос этот очень ошарашил Андрея – в конце концов он был сэнс, практический мистик, он видел некоторые эпизоды из своих прежних воплощений, к тому же и с Леночкой они об этом не раз беседовали, особенно в начале их романа, и Балашов их отправлял в совместное путешествие в средневековую Индию, но в последнее время они практически перестали эту тему обсуждать, и Леночка, став ревностной православной христианкой, теперь очень неохотно касалась темы реинкарнаций и своей встречи с Андреем в прежних существованиях. Видно было, что ее смущает эта проблема, являющаяся с точки зрения церкви ересью, и она пыталась убедить себя, что все это волховство и происки мага Балашова. И все же вопрос Лианы взволновал Андрея, это был вопрос не праздного болтуна, начитавшегося эзотерической литературы, но человека, который действительно *знает* и *видит* – это ощущалось не рассудком, а чем-то над ним, и на мгновение Андрею показалось, что рядом с ним сидит не современная женщина, а верховная жрица храма Кали-воительницы прекрасная Дурга.

– Я жил в Индии и много путешествовал в поисках учителя, – хрипло ответил Андрей. – Потом, лет через сто, в Германии и был знаменитым алхимиком и чернокнижником, – тут он осекся, словно коснулся запретной темы, хотя с Балашовым и другими своими приятелями из группы непортального пути не раз обсуждал этот вопрос. И все же что-то удерживало его от того, чтобы сейчас все выложить Лиане. – Но я наблюдал только эпизоды, чем закончилась та и другая жизнь, я пока не знаю, могу только догадываться. Других своих воплощений я не видел... Нет, кажется, что-то было в Древнем Египте, но это уже совсем короткий эпизод, скорее сценка. У меня больше другое было, не связанное с земной жизнью, – он собрался было начать излагать свои астральные похождения, но подумал, что на это уйдет слишком много времени, а ему хотелось выбрать специальный день: – Я Вам как-нибудь в другой раз расскажу, – добавил он и подумал: «Кстати, это и повод еще раз встретиться».

– Что ты имеешь в виду под неземной жизнью? – спросила Лиана, внимательно глядя в глаза Андрею.

– Я имею в виду астральные путешествия, – ответил Андрей. – Сейчас мне не хочется о них детально рассказывать, это слишком долгая история, вернее, несколько историй. Хотелось бы посвятить этому отдельный день, если вы согласитесь послушать мой рассказ. Регулярно это стало происходить, когда я начал заниматься йогой и медитировать... ну, пожалуй, один эпизод все же опишу для примера.

И Андрей рассказал об одном из первых своих выходов в астрал и о путешествии по городу Нарову.

– Очень любопытно, – сказала Лиана, правда, несколько разочарованно. – В тех местах земного астрала, которые ты описал, мне приходилось бывать, но нечасто, этот слой мне не интересен. Я думала несколько о другом, у меня мелькнула надежда, но я ошиблась, думала, что ты оттуда же, откуда и я – это проскользнуло в твоём втором стихотворении обо мне. А то, что ты описал, – обычный средний астрал, промежуточная зона – что-то вроде пункта-распределителя для умерших: кому вверх, кому вниз – это самый что ни на есть земной мир, только большинству при жизни невидимый, а после смерти практически все через него проходят.

– А что имели в виду Вы, что такое Вы во мне увидели, но ошиблись? – спросил уязвленный Андрей, он видел, что его рассказ об астрале, который в свое время произвел такое впечатление на Леночку, ничуть не удивил Лиану. Лиана посмотрела на него как-то по-особенному:

– Милый мальчик, почему-то я почувствовала к тебе доверие и решила рассказать одну сказочку – и сам решай, верить в нее или нет. Когда-то, немыслимое количество лет назад...

С первых фраз Андрей насторожился: где-то он все это уже слышал, но не мог припомнить где. Вроде, никто из его знакомых об этом не рассказывал, но когда Лиана произнесла слова «мир И», «Ию», «Июла» – его вдруг осенило: да ведь эту историю об удивительном световом мире он слышал из уст священнослужительницы Дурги. Но откуда Лиана могла ее узнать?! На секунду в душу Андрея закралась провокационная мысль, что Лиане эту повесть мог поведать кто-то из бывших непортальщиков или даже сам Балашов. Ведь Андрей пересказывал ее своим друзьям. Да нет, непохоже, таких подробностей он им не сообщал, а Лиана вела повествование, словно все видела своими глазами.

– Господи! – вырвалось у Андрея, когда Лиана закончила свой долгий рассказ. – Да ведь я все это знаю!

– Знаешь? Откуда?! – от волнения Лиана даже приподнялась на скамейке.

– Скажи, – Андрей не заметил, как снова перешел на «ты», – та картина, где ты изобразила мужчину и женщину, летящих, как комета, через красный мир, – откуда это? Ты это видела?

– Эту картину я рисовала по своим видениям, – уклончиво ответила Лиана. – Ее герои, вернее, героиня имеет отношение к тому, что ты только что услышал... и ко мне, – добавила

она, понизив голос. – Я не успела тебе сказать: зеленая светосущность Иола – это и есть я, вернее – моя душа, монада...

– Теперь мне все ясно! – взволнованно произнес Андрей, вскочил со скамейки и начал ходить туда-сюда мимо удивленной Лианы. Его подозрения и догадки окончательно сформировались в ясную картину.

– Около пятисот лет назад ты проживала на юге Индии в маленьком городке Калинагар в образе Дурги – настоятельницы храма Кали-воительницы! – в упор глядя на Лиану, как заклинание, произнес Андрей.

– Это было... – как эхо, произнесла Лиана.

– Вспомни красивого кшатрия, искателя тайных знаний и свитков... Дурга рассказывала ему о мире И...

– Его звали Рам... – продолжила Лиана. – Он стал вторым шактом Дурги. Я его изобразила на картине.

– Все сходится! – вскрикнул Андрей. – Это был я!

– Это был ты... – медленно произнесла Лиана. – Так вот почему ты так заинтересовал меня, милый мальчик...

– Голова кругом идет! – Андрей снова сел рядом с Лианой. Он вдруг вспомнил эпизод из тантрической мистерии, и горячая волна прокатилась по его телу, ведь он был Рамом, а она Дургой! Но тогда, почему же не было этой волны, этого волнения с Леночкой, ведь она в образе Рати также была участницей событий? Почему же тогда этот факт не поразил его и как-то особенно не отразился на их взаимоотношениях? Наверное, потому, что Рам не любил Рати и относился к ней снисходительно. Другое дело Дурга! О, это была великая страсть! И вот эта страсть пронизала века и коснулась души Андрея. Но коснулась ли она Лианы – вот в чем вопрос.

– А помнишь девушку-служанку? – Андрей не решился спросить: «А помнишь, как мы любили?»

– Ее звали Рати, – снова назвала Лиана точное имя, – она, кажется, трагически погибла совсем молодой.

– Так вот – это моя нынешняя жена Лена! – выпалил Андрей, думая, что вновь удивит Лиану. Но Лиана не удивилась, а спокойно ответила:

– Такое часто случается. Я, например, своего мужа Толю знаю с тринадцатого века. Мы встречались во Франции, в Монпелье. Сначала он был моим слугой, а потом подталкивал сзади тележку, в которой меня везли на казнь... Была жуткая грязь, и колеса постоянно застревали. Если захочешь, я потом расскажу тебе эту историю. Очевидно, именно поэтому у меня такое странное физическое неприятие этого прекрасного человека. Вообще, как я поняла из своих просмотров, одни и те же души постоянно встречаются друг с другом из воплощения в воплощение, и в разных вариантах разыгрывают схожие сценарии. Нет, меня удивило не то, что мы в прежних воплощениях встречались и что ты встречался со своей супругой, меня удивило... нет, взволновало то, что ты еще до встречи со мной сегодня все это знал. Это для меня впервые, никто из моих знакомых никогда не знал то, что знаю я, хоть и многие называют себя сенсами. Ты первый подтвердил, что все мои «картинки» не бред, не причудливые фантазии, а объективная реальность, которую при соответствующих обстоятельствах может увидеть и другой человек, спасибо тебе за это. Ну и, конечно, большое значение имеет то, какие отношения складывались у наших предшественников.

– Зачем же ты тогда вышла замуж за Анатолия? – мягко упрекнул ее Андрей.

Лиана развела руками:

– Толя ухаживал за мной с первого курса, этого брака хотели мои родные, и, самое главное, я пообещала, что выйду за него замуж, его матери, когда она умирала от рака. Хотя, конечно, чувствовала, что ничего хорошего у нас не будет. А впрочем, у нас дочь Маняша,

которая мне дороже всего на свете, так что нельзя сказать, что ничего хорошего не было. Кстати, – Лиана посмотрела на часы, – она скоро должна из школы прийти. Ты проводишь меня?

– Ну, конечно же! – пылко ответил Андрей. – Скажи, – спросил он через некоторое время, когда они ехали в метро, – а чем закончилась история Дурги и Рама? Последнее, что я видел, их совместную тантрическую мистерию... – Андрей покраснел, не зная, как прокомментировать те откровенные сцены, на которых история обрывалась. Лиана посмотрела на него странно:

– Ничего не хочу тебе говорить, ты должен досмотреть ее сам, иначе я буду думать, что навязала тебе свою версию. Я уверена, что ты еще вернешься к этой истории, и мы сможем проверить, насколько все, что мы видели, совпадает. Пока все удивительно сходится.

Андрей проводил Лиану до подъезда, и, прощаясь, она сказала:

– Ты очень талантливый мальчик, ты словно бы в меня сегодня жизнь вдохнул. Жаль, что я не знала тебя раньше, может быть, до такого бы, что со мной сейчас творится, не дошло. А впрочем, все должно происходить в свое время. Раньше ты был слишком молод. Спасибо тебе за прогулку.

Неожиданно она чмокнула Андрея в щеку и исчезла за дверями подъезда.

«Ну что она меня все время „мальчиком“ называет? – думал Андрей, пешком возвращаясь домой. – Неужели я так молодо выгляжу? И все же она восприняла меня всерьез! Какой бы повод придумать для следующей встречи? А впрочем, какая разница! Она же видит, что я к ней не равнодушен, и даже гораздо больше, чем равнодушен, зачем же себе программу наперед расписывать, все равно получится не то, что планируешь».

Леночка в тот день пришла непривычно поздно, что не очень огорчило Андрея, но все же он разыграл роль волнующегося супруга и, как принято в таких случаях, задал сакраментальный вопрос словно бы с каким-то непрозрачным намеком: «Ну, и где ты была?» Выяснилось, что Леночка после института была сначала на службе в церкви, а потом они собрались в небольшой церковной пристройке, где проводит занятия воскресная школа. Там их община уже не раз собирается с отцом Сергием для более глубокого изучения Священного писания, – просто сегодня так поздно они первый раз собирались, читали благую весть от Иоанна, а отец Сергей давал свои комментарии. Леночка выглядела виноватой, оправдывалась, что было очень интересно и она не заметила, как прошло время.

Андрей был доволен, что пострадавшей стороной оказался вроде как он, хотя именно он был сегодня на свидании, и даже не мог допустить, что на своей православной сходке (а может, она была и не там) его жена теоретически могла заниматься не только изучением Священного писания.

Поворчав для порядка, что надо было, по крайней мере, позвонить, Андрей сказал, чтобы она была поосторожней, и как бы о ее увлечении не стало известно институтской администрации: она, как ни как, числится комсомолкой, и могут быть неприятности. У него есть сведения, что в каждой церкви служит так называемый поп в погонах, а попросту – замаскированный сотрудник КГБ, и одна из его обязанностей – выявлять таких вот нерадивых строителей светлого будущего и сообщать куда следует. На это Леночка резонно возразила, что он сам около двух лет посещал, с точки зрения органов, незаконную организацию и, несомненно, находится на крючке у КГБ, а то, что в институте об этом не знают и никуда его пока не вызывали, – так это до поры до времени, еще не известно, чем все закончится.

В этом смысле Леночка была, несомненно, права: церковь в стране пока никто официально не запрещал, а группа неформального пути могла быть приравнена к секте, и приписать ей могли все что угодно, – в том числе и антисоветскую деятельность, тем более что руководитель ее был объявлен сумасшедшим.

– Ну, наша группа полгода как разогнана, – примирительно ответил Андрей, – и думаю, если бы у КГБ были планы с нами разобраться, уже давно бы все в институте стало известно,

а то и вовсе бы по стопам Балашова пошли, так что не думаю, что они будут меня трогать. У меня-то все в прошлом, а ты только сейчас в общину ходить начала. Да нет, я тебя не упрекаю, а просто предупреждаю. В конце концов, – он криво усмехнулся, – за свою веру пострадать даже почетно, по крайней мере, так христиане считают.

Было уже поздно, Леночка постелила кровать и стала стягивать с себя одежду.

– Ты мне грудку не хочешь поцеловать? – томно спросила она Андрея, оставшись без бюстгалтера. Андрей посмотрел на ее большую, рано начавшую отвисать грудь, мысленно сравнил ее полную, рыхлую фигуру, толстые, дрябловатые бедра с гибкой, стройной и удивительно чувственной фигурой Лианы и испытал раздражение.

«Господи, – подумал он неприязненно, – это в девятнадцать-то лет у нее все так висит! Что же с ней к тридцати будет?» – мысль о том, что ему предстоит прожить с Леночкой неопределенно долго, почему-то вызвала у него отчаяние.

– Очень хочу, – ответил Андрей, постаравшись разыграть сожаление, – только ты ведь после этого меня в постель затащишь, а я медитировать собирался, мне настрой сбивать нельзя, и так два дня из-за дежурства пропустил, а медитации требуют ежедневной работы.

– Ну и медитируй сам с собой! – обиженно сострила Леночка. – Не очень-то и хотелось. Отец Сергей сказал, что те, кто медитациями занимаются, каналы для бесов открывают!

– Да что ваш Сергей в этом смыслит! – сорвался Андрей. – Дремучий поп! Это ваша Православная церковь давно сатане служит и на КГБ работает. Там среди священников и истинно верующих-то не осталось, одни карьеристы! Да и вообще сама эта символика – распятый Бог и орудие его казни – крест, как предмет для поклонения, у меня ничего, кроме отвращения, не вызывают. Какой же это путь к свету? Мрак один. Явись сейчас Иисус Христос в нашу страну, церковники его же первые органам сдадут как опасного смутьяна. Зачем им живой Бог? Их и мертвый вполне устраивает. Те же фарисеи!

Так резко о православии, да и вообще о христианстве, Андрей при Леночке высказывался впервые – уж больно она задела его «каналами для бесов».

Леночка просто задохнулась от возмущения. Не зная сразу, что ответить, и чтобы как-то заполнить паузу, она яростно начала натягивать на себя ночную рубашку и долго не могла попасть в рукав.

– Церковь... сатане... – зашипела она, когда нашла, что ответить. – Да это ты ничего не смыслишь в истинной вере! Распятие – это символ спасения. Христос своей смертью смерть поправил, чтобы спасти и приблизить к вечной жизни всех верующих в него. А ты... ты... еретик!

– Я, – ответил Андрей уже спокойнее, – может быть, больший христианин, чем ты и твой отец Сергей. Иисус, чтоб ты знала, в Индии обучался тайным знаниям. Об этом в канонических Евангелиях не написано, но, между прочим, нигде там не говорится, что он делал с семи до тридцати лет. А вот в некоторых преданиях – апокрифах – об этом сказано: в этот период он был в Индии, Гималаях и Шамбале и получил там высшее посвящение. А теперь церковники объявляют индийские религиозные практики сатанизмом. Выходит, и Иисус сатанизму обучался?! Церковь давно от учения Христа отошла и подменила его своим, удобным для нее учением, которое к Богопознанию и тому, что говорил Христос, имеет очень отдаленное отношение. Может быть, дебилов и темных бабулек оно и устраивает, а меня – нет. Думаю, что со временем и ты во всем разберешься, ведь не дура же...

– Думаю, это ты разберешься, – процедила Леночка. Видно было, что ее неглубокие знания Священного писания пока не давали достаточно аргументов, чтобы возразить Андрею. Но это не значило, что она была с ним согласна. – А не разберешься – тем хуже для тебя!

Она яростно шмыгнула носом и с головой накрылась одеялом, повернувшись спиной к Андрею. Такой разозлившейся и отчужденной Андрей видел ее впервые. Неужели ее так охмурил батюшка? Да не похоже, хоть она и увлеклась православием, какого-то фанатизма Андрей в Леночке пока не замечал: в ней было немало светского, она не утруждала себя

постами, длительными молитвами, всенощными бдениями и точным соблюдением церковных предписаний, а кроме «Отче наш», не знала наизусть ни одной молитвы. Пока все это было на уровне обычного любопытства, какое года четыре назад Андрей испытывал к йоге и индийской философии, прежде чем это стало частью его жизни. И все же Леночка разозлилась и обиделась на Андрея всерьез, словно почувствовала в нем если не измену, то, по крайней мере, готовность к этому. Хотя... Как ему это раньше в голову не пришло! Да ведь для женщины самое оскорбительное, когда мужчина отвергает ее желание, а религиозные разногласия – только повод обидеться по достойному поводу! А Андрей впервые отверг ее желание, да еще в тот момент, когда она, чувствуя вину, хотела его наградить собой за разыгранное им возмущение. Сообразив, что все объясняется весьма банально, Андрей успокоился и отправился в ванную медитировать.

Полтора часа он усердно закручивал вокруг тела разноцветные дуплекс-сферы, но на этот раз ему все не удавалось как следует сосредоточиться, в памяти все время всплывало прекрасное лицо Лианы и, помимо воли, воображение дорисовывало то, что скрывала ее одежда. Вконец разозлившись на себя за такое кощунство и чисто формально выполнив весь комплекс, Андрей отправился спать.

«Животное! – мысленно ругал себя Андрей. – Она же ангел во плоти, а какие мысли в голову лезут! Это все Ленка тебя испортила, это ей только одного надо, и ты от нее заразился!» А впрочем, в глубине души Андрей понимал, что попросту пытается свалить свою вину на другого человека – уже давно прошли те времена, когда Леночке действительно нужно было «это» от него постоянно. Тут ему стало стыдно за то, что он совершенно незаслуженно обидел жену, которая доверчиво к нему потянулась и, несомненно, в отличие от Андрея, искренне его любила. Забравшись под одеяло, он попытался обнять то ли спящую, то ли притворяющуюся, что спит, Леночку.

– Не трогай меня! – вывернулась из его объятий Леночка. – Ты все врешь, я давно чувствую, что ты ко мне охладел, не удивлюсь, если скоро узнаю, что у тебя есть любовница.

– Да что ты выдумываешь! – испугался Андрей. – Какая любовница, только сцен ревности нам не хватало! Просто секс для меня имеет второстепенное значение, ты же знаешь, что для меня самое главное! Любовница сюда как-то не вписывается, с меня и тебя хватает.

Тут он понял, что вновь сморозил что-то не то, Леночка яростно засопела, и еще дальше отодвинулась от него, натянув на себя одеяло.

«Все правильно, – подумал Андрей, – какие уж тут религиозные разногласия – она уже и забыла об этом». Он снова пододвинулся к жене, начал шептать ей ласковые слова, гладить по головке, нежно называя глупенькой, дурочкой, котенком. Вскоре Леночка затихла, позволила себя обнять, затем страстно повернулась к Андрею и впиалась в него губами. В этот момент наш герой совершенно забыл о своей любви-поклонении к Лиане, его душу переполняла жалость и нежность к этому домашнему, пухленькому существу, к которому он все же сильно привязался за два с лишним года. Впервые у него возникла уверенность, что всему этому скоро придет конец, как бы он ни пытался его отодвинуть. Эта уверенность еще больше усилила сожаление, и Андрей пылко отозвался на поцелуй Леночки.

Полночи они, как в былые, давно ушедшие времена, занимались любовью, словно предчувствие скорого конца возродило угасшую страсть, и оторвались друг от друга только в четвертом часу утра. Леночка что-то продолжала шептать ему в ухо, что он ее, только ее Котя, и никому она его не отдаст, а Андрей, пересытившийся телом жены и снова испытывая некоторое отвращение к ее полноте и ранней обрюзглости, впадал в дремоту и лениво упрекал себя за эту неуместную вспышку страсти, мысленно каясь перед Лианой.

Вскоре он заснул, видел какие-то смутные, плохо запоминающиеся сны, а под утро резко проснулся от знакомых ощущений вибрации. На этот раз в ощущениях было что-то новое, вибрировал не низ живота, а область груди, сердца.

«Давненько в астрал не выходил, – подумал Андрей. – Что-то сегодня новенькое, похоже, Анахата включилась. Интересно, отразится это как-то на выходе или нет?»

Поначалу, кроме места-источника вибрации, особых отличий не было – тот же белый звон, те же екающие провалы, те же скачкообразные понижения регистров. Белый звон заполнил его руки и голову, Андрей сделал привычное усилие и легко вытолкнул свое астральное тело на пол. В комнате оказалось непривычно светло, не испытывая обычного давления, прижимающего к полу, Андрей легко поднялся на ноги. На этот раз на душе его было если не радостно, то спокойно, в отличие от привычной тревоги и тоски прежних выходов. Комната на удивление соответствовала своему обычному дневному виду, да и абберации зрения не беспокоили, – единственное отличие состояло, пожалуй, лишь в том, что в реальной комнате еще должно было быть темно, но сейчас, после отделения от тела, он погрузился в муть предрассветья. Он посмотрел на кровать и несколько опешил: на кровати под одеялом Леночка занималась любовью с каким-то длинноволосым бородатым мужчиной. Черт его лица Андрей никак не мог разобрать, но точно помнил, что никогда его раньше не видел, а на том месте, где должно было лежать его, Андрея, физическое тело, никого не оказалось. Андрей хорошо понимал, что находится в астрале и, что, скорее всего, вторгся в Леночкин сон, и, тем не менее, его вяло возмутило подобное бесстыдство.

«Вот сучка, – подумал он, впрочем, без особого гнева, – муж рядом спит, она еще не остыла от его объятий, а уже трахается с кем-то во сне». В этот момент он как-то не подумал о том, что с ним частенько бывало то же самое и в гораздо более бесстыдном варианте.

Желая покарать прелюбодеев (они его словно бы не видели), он схватил бородача за волосы и резко рванул вверх. Неожиданно тело прелюбодее просочилось сквозь одеяло и взлетело в руке Андрея, словно большая голая кукла, вяло пытаясь вырваться и уморительно дрыгая ногами. Андрей начал вращать бородача над головой, словно пращу, примеряясь, куда бы его подальше зашвырнуть, а Леночка, словно бы, наконец, осознав происходящее, вдруг расплакалась и запричитала:

– Ты ему волосы и бороду вырвешь, а он без них службу вести не сможет.

– Ах, так это батюшка Сергей! – с яростным весельем воскликнул Андрей. – Так вот чем священники в свободное от службы время занимаются!

Он шархнул горе-попа о спинку кровати, отчего тот разорвался пополам, словно был сделан из пластилина, и швырнул оставшуюся верхнюю часть в окно, через которое, несмотря на стекло, эта часть легко пролетела и пропала из поля зрения. Затем он подобрал нижнюю часть и проделал с ней то же самое. Исполнив этот акт праведной мести, Андрей грозно подступил к супруге, ожидая слез и покаяния. Но та вдруг, несколько не смутившись, вынырнула из-под одеяла и, словно бы и не причитала только что по поводу волос своего любовника, приняла откровенную коленно-локтевую позу и заявила:

– Я кончить с ним не успела, давай-ка, забирайся на меня!

– А вот этого не дожدهшься! – возмущенно крикнул Андрей и вlepил супруге такой мощный пинок под зад, что та с воем перелетела через всю комнату и отправилась через окно следом за отцом Сергием.

С чувством выполненного долга Андрей собрался было последовать вслед за разлученной «сладкой парочкой», но затем решил, что не хочет их встретить там, за окном, не сомневаясь в том, что половинки отца Сергея срослись друг с другом и они с его супругой вновь занялись незаконченным делом.

«Надо было ее в другое окно на кухне выкинуть, – недовольно подумал он. – Пусть бы его поискала, там окно совершенно в другую часть астрала открывается». Затем, решив, что раз уж так случилось, то воспользоваться кухонным окном придется ему самому, прошел сквозь дверь, проследовал через коридор на кухню и вынырнул наружу. Уже когда он медленно, словно пушинка, опускался вниз с восьмого этажа, то понял, что под ним не привычный Наров,

а какое-то совсем другое место. Хотя, почему какое-то: это была та самая улица и автобусная остановка, на которой Андрей в реальном мире столько раз стоял в ожидании автобуса. Андрей приземлился рядом со своим домом и удивленно стал озираться: да, это была именно та улица и тот дом, где он проживал уже два года вместе с Леночкой, – да, вот и надпись на нем «Космонавтов, 14».

«Правда, – подумал Андрей, – сейчас должно быть еще совсем темно, а на улице словно бы пасмурное утро».

Он глянул вверх, ожидая увидеть черное астральное небо, все в крупницах лже-звезд и туманностях, но ничего такого не было: обычное земное небо, только затянутое пеленой сплошной облачности, из-за которой и в реальном мире не видно солнца. Видеть обычный земной мир, находясь в астрале, было настолько непривычно, что Андрей даже в первый момент растерялся – куда идти и что делать? И реальный мир в восприятии его астрального тела казался непривычным и чужим, гораздо более чужим, чем астральный город Наров. Андрей обратил внимание, что на улице как-то слишком многолюдно для пяти часов утра, поскольку большинству граждан еще рано было выходить на работу. Какой-то гражданин прошествовал сквозь растерявшегося Андрея, и он, не особенно удивившись, тут же смекнул, что невидим и бесплотен для реальных людей реального мира. И все же что-то в поведении прохожих отличалось от того, к чему он привык. Вскоре Андрей сообразил, что люди здесь передвигаются в основном какими-то странными группками по три-четыре человека – один спереди, а три-четыре сзади, причем передний не обращает на пристроившихся сзади никакого внимания и словно бы их не видит и не замечает. Андрею тут же пришла аналогия: это выглядит так, словно важная персона следует в сопровождении двух-трех телохранителей, только здесь «телохранители» держались гораздо ближе к хозяину, чем это могли требовать правила безопасности. И еще: «важные персоны» выглядели весьма потрепанными, жалкими, и, очевидно, большая часть из них в реальном мире относилась к категории алкашей, вышедших ни свет, ни заря на поиски, где бы опохмелиться. Попадались и отдельные граждане без сопровождения, которых Андрей скорее отнес бы к категории средне благополучных, а впрочем, градация эта была условная, и можно было скорее говорить о тенденции, чем об абсолютном правиле.

Пока Андрей думал, куда пойти и чем заняться, сквозь него снова прошла незнакомая гражданка (Андрей в последний момент специально шагнул ей навстречу, чтобы еще раз испытать это необычное ощущение), но тут на него совершенно ощутимо налетел один из ее сопровождающих – к чему Андрей был совершенно не готов, – и этот тип, весьма невыразительного и потрепанного вида, неожиданно обхватил его руками, не издав ни единого звука. У Андрея тут же возникло знакомое ощущение внутреннего холода и тоскливой тревоги, которую он испытал однажды во время своей первой позорной битвы с лярвами.

«Ах, вот в чем дело! – мелькнуло у него в голове. – Так это лярвочки за живыми людьми следуют – у них, видимо, время завтрака. Ну, нет, парень, не на того напал». Он теперь был в полной уверенности, что лярвы серьезной опасности для него не представляют, и подумал, как с ней лучше расправиться, при этом объятия лярвы заметно ослабели и вид ее сделался несколько растерянным. Андрей с язвительной улыбкой оторвал от себя руки незадачливого вампира.

– Съесть тебя что ли? – сказал он вслух, правда, не совсем уверенный, что серенький гражданин его поймет. – А впрочем, какому уважающему себя астральщику твоя энергия нужна – ты ведь падаль по сути.

Лярва бледнела и таяла на глазах, казалось, еще минута – и она превратится в кучку старой одежды на земле.

– Ладно, пошел отсюда! – милостиво распорядился Андрей и дал лярве ощутимого пинка, от которого та, сделав дугу, шлепнулась в густые кусты и то ли исчезла, то ли осталась там лежать, ожидая, когда уйдет грозный противник.

Андрей перешел проезжую часть (автомобилей было совсем мало) и двинулся к местному универсаму: ему почему-то захотелось побывать в магазине до его открытия. В том, что он беспрепятственно сможет пройти сквозь стеклянные двери, Андрей нисколько не сомневался. По небольшой площади перед универсамом сновали группки людей и редкие одинокие прохожие.

«Вот так, – подумал Андрей, – получается – в действительности по земле ходит в несколько раз больше народу, чем это всем кажется. Вернее, большая часть из них не люди, но выглядят так же. И никто даже не подозревает, что идет он вот так по улице, а в это время от него кормятся две-три твари, в зависимости от того, какой интерес он представляет в качестве источника пищи. Хорошо, что никто не видит, как это в действительности выглядит».

Стараясь не сталкиваться больше с группами прохожих, Андрей пересек площадь. Рядом с универсамом стояла большая палатка, напоминающая развлекательный павильон лунапарка, которой раньше Андрей никогда здесь не видел.

«А это еще что такое? – удивился он. – Никогда ее здесь не было. Значит, это все же не совсем реальный мир? Хотя нет, скорее все же реальный, но, очевидно, в реальном мире существуют строения, которые видны только из астрала. Интересно, каково их назначение? С лярвами понятно, а этот-то аттракцион зачем?»

Андрей подошел к широкому входу в палатку и заглянул внутрь. Внутри царило праздничное оживление. Вдоль стен располагались столики с закуской и выпивкой, и румяные толстяки с аппетитом поглощали всю эту снедь, а в центре зала находился аттракцион с бегающими в беспорядке пузатыми машинами, в которых восседали любители парковых аттракционов. Машины сновали взад и вперед, резко разворачивались, сталкивались и разъезжались, чтобы вновь столкнуться с новым незадачливым водителем. Казалось, народ беспечно веселится и эта картина ничем не отличается от обычной сцены в парке культуры и отдыха, но вскоре все стало меняться. Постепенно скорость хаотического движения машин стала возрастать, сначала это никак не сказывалось на общей картине веселья, но вот две машины разогнались так, что, столкнувшись, изрядно помяли друг друга, а один из водителей вылетел из сидения и угодил под пробегающий мимо автомобильчик. Причем ее водитель даже не пытался затормозить, оставив позади себя раздавленное, распластанное тело. Трагедия эта не вызвала никакой реакции у отдыхающих: водители продолжали весело крутить баранки, а любители выпить и закусить поглощали в немыслимых количествах разнообразные закуски, пиво и водку. Андрей только сейчас обратил внимание на то, что снеди и выпивки на столе меньше не становилось и только что съеденная курица или бифштекс вновь возникли на тарелке, а аппетит обжор все не уменьшался.

«Интересно, долго они так трапезничают? – подумал Андрей, наблюдая за одним обрюзгшим толстяком, который за 10 минут сожрал не менее пяти кур и выпил около 20 бутылок пива. – Это сколько же он в себя жратвы и выпивки впихнул? Да любой нормальный человек давно бы уж либо насытился, либо лопнул!»

Он стал наблюдать за другими посетителями буфета и понял, что картина везде одна и та же: непрерывно поглощаемая пища и выпивка тут же восполняются и никто из посетителей никак не может наесться и напиться. Затем его внимание вновь привлек центр зала. К тому времени бетонированное покрытие, по которому с немыслимой скоростью сновали аттракционные машины, напоминало поле битвы: то тут, то там валялись раздавленные тела, а значительная часть машин превратилась в груды металлолома, но это никак не сказывалось на настроении тех, кто сидел в еще оставшихся неповрежденными или в легко поврежденных машинах. Они продолжали весело крутить баранку, без всякого смущения переезжая и без того многократно раздавленные тела, некоторые из которых к тому времени выглядели так, словно по ним проехали катком. А «оставшиеся в живых» по-прежнему норовили боднуть

соседнюю машину, словно продолжали видеть в этом кошмарном побоище всего лишь веселый праздничный аттракцион.

Вдруг со стороны обеденных столиков раздался странный глухой хлопок, словно лопнула большая резиновая емкость, переполненная водой. В воздух взметнулись кровавые ошметки, куски плохо переваренной пищи и целый фонтан пива. Андрей понял, что один из закусывающих лопнул, не выдержав количества поглощенной пищи и жидкости. Вниз еще долго падали куски, оставшиеся от несдержанного гражданина, а за соседним столиком прозвучал аналогичный глухой взрыв, который никак не отразился на аппетите оставшихся, которых – это было уже ясно – ждала та же печальная участь. Вскоре буфетные столики напоминали череду петард, подоженных единым бикфордовым шнуром, в купол беспрерывно неслись кровавые ошметки, и все новые и новые фонтаны пива, а обжоры все ели и лопались, ели и лопались...

К концу этого жуткого и в то же время какого-то несерьезного, гротескного действия – у Андрея не хватало сил оторвать от него глаз – столики полностью опустели, заваленные лопнувшей одеждой, кусками плоти и остатками пищи, залитые целой цистерной пива. В центральной части зала также не осталось в живых ни одного из лихих водителей, и только две чудом уцелевшие машины без седоков продолжали носиться по аккуратно раскатанным телам и груде металлолома. И тут произошла какая-то общая метаморфоза: внутри палатки явственно ощутилось движение воздуха, оно все более усиливалось, и весь мусор, оставшийся после этого вначале столь невинного веселья, стал сдвигаться с места, перемешиваться и закручиваться. Вскоре это был стремительный смерч, а вернее, водоворот, в котором уже толком невозможно было ничего рассмотреть, и, едва Андрей успел отпрянуть от палатки, он ушел в землю, словно в огромной ванной кто-то вытащил затычку. Еще мгновение, и павильон-палатка, вместе с содержимым превратившись в жидкость, ушла под землю, не оставив на площади даже следа.

«Странная палаточка, – думал Андрей, растерянно глядя на асфальт, где только что возвышался павильон для аттракционов. – Что же это такое было? Скорее всего, прощальная гастроль любителей выпить, закусить и повеселиться перед отбытием в нижний астрал. Вот ведь как получается: ходишь по земле и не знаешь, что рядом с тобой сейчас такие жуткие спектакли разыгрываются. Ладно, найду в магазин. Посмотрю, что там до открытия происходит. А вдруг, с точки зрения астрального наблюдателя, тоже что-нибудь необычное?»

Он подошел к двери универсама и по привычке взялся за ручку, но тут же сообразил, что это реальная дверь, к тому же запертая на замок, поэтому оставил в покое ручку и, как уже делал не раз, бродя по своей комнате в астрале, шагнул сквозь толстое стекло двери – и тут же наскочил на сердитую тетку, которую поначалу принял за обычную живую сторожиху, но по силе толчка сообразил, что она такая же астральная сущность, как и он в настоящий момент.

– Закрыто, закрыто, рано еще! – начала кричать она на опешившего Андрея, который не ожидал, что его увидят, и рассчитывал преспокойно пройти сквозь тетку.

– Для кого рано, а для кого – самое время! – резонно возразил Андрей, отодвигая тетку в сторону. – Ты что, не видишь, кто я такой?

– Ах, простите, – тут же успокоилась тетка, – я по привычке. Что именно «по привычке», она не объяснила и уселась на скамеечке перед дверью, утратив к Андрею всякий интерес.

Андрей шагнул в зал универсама и опешил. Зал был полон посетителей, но несколько необычных: среди застекленных холодильных камер с колбасами, ветчиной и прочими варено-копчеными продуктами уныло бродили коровы, свиньи, куры, утки, индейки. Словно это был не продуктовый магазин, а хлев, но, в отличие от хлева, животные и птицы разгуливали здесь совершенно свободно, не обращая друг на друга внимания.

«Бедные твари! – оценил смысл происходящего Андрей. – Так ведь они среди своих переработанных останков бродят, не могут отыскать, в какой колбасе их филей или грудинка нахо-

дятся, тут же все перемешано! Вот, оказывается, где их души после забоя обитают! Интересно, куда они потом попадают и долго ли вот так среди прилавков бродят?»

Немного послонявшись среди этого разношерстного стада, Андрей понял, что здесь ему больше делать нечего. Он стал разглядывать стены универсама, прикидывая, через какую удобнее выйти наружу, и тут в одной из стен словно бы высветлилась лестница, которая, как показалось Андрею, должна была вывести его куда-то вовне, в какой-то иной пласт пространства.

Поднявшись по лестнице (она находилась внутри стены, но стена была проницаемой и никак не препятствовала прохождению), Андрей очутился в совершенно иной местности, у дачного поселка, похожего на тот, вблизи которого Андрей превратился в сосну. Он долго шел через голое вспаханное поле и любовался дивными красками ранней осени (напомним: в Москве была середина ноября). Сочно золотилась и краснела листва небольшой рощицы, окаймлявшей поле, удивительно контрастировавшая с красками рощи. Радовали глаз маленькие домики, видневшиеся в отдалении, и небо было голубым, и, что существенно, на нем светило огромное солнце, раза в два больше привычного, но совершенно безболезненное для глаз. Было безлюдно. И повсюду разливался такой раннеосенний покой, такая чистота и ясность, что Андрей впал в состояние восторженного созерцания. Все, что ему хотелось – бесконечно идти по этому прохладному свежевспаханному полю, вдыхать терпкий аромат осеннего воздуха и не думать ни о чем, ни о чем... Куда он идет и зачем, – такие мысли просто не приходили ему в голову, словно в бесцельности движения и состоял главный смысл. Андрей долго брел через это поле, словно Вангоговский сеятель, затем вошел в золотую осиново-березовую рощу, с тем же безмятежным чувством неопределенное время там блуждал, прислушиваясь блаженно к шелесту листвы и шороху пожухлой травы под ногами, и, когда он, наконец, добрался до опушки, сердце его сладко запело: роща выходила к знакомым песчаным дюнам и аквамаринному морю Вечности.

«Вновь я посетил... – возникли почему-то в голове Андрея строки классика. – Здравствуй, ну как там сны без меня?
Домик построен?
Дюны звенят?»

– Добавил он свои собственные заветные строки. – Давно меня астральные пути-дорожки сюда не выводили».

Безмятежность Андрея сменилась светлой грустью, он затосковал по детству, символом которого являлось это дивное голубое море и золотой песок. Но тогда у морской кромки его ждала Единственная, сейчас же он знал, что не встретит здесь девочки в белом воздушном платье – он сам отрекся от нее не так давно, а здесь ничего не бывает просто так. Выходит он сам выбрал дорогу, где нет места Единственной... А может, все еще изменится? Да, замок Вечности разрушен, но, может, его снова можно восстановить? Ведь в астрале многое можно, ведь ему уже не в первый раз дается шанс осознать что-то... но что?

Андрей вышел к кромке прибоя, сел на песок, и руки его сами собой начали создавать удивительное сооружение, словно они раз и навсегда переняли опыт строительства у других тонких детских ручек много лет назад... Не прошло и часа, как замок Вечности был готов. «Хочу ее увидеть! – мысленно твердил себе Андрей. – Мне тяжело, я запутался в этой жизни! – Он забыл и о Лиане, и о Леночке, он помнил только одно детское лицо, одни глаза. – Куда бы меня сейчас ни унесла река времени, пусть на берегу, куда меня должно прибить, будет ждать она...»

Андрей почувствовал, что заклинание начинает действовать, тело уменьшилось, и водоворот времени втянул его внутрь песчаного здания. Какое-то время он летел мимо странных

островков, висящих в пустоте, которые, как он помнил по прежнему опыту, были островками его воплощений, запечатленными в памяти вселенной, затем один из островков его притянул, на мгновение все погасло, а когда он пришел в себя, то понял, что незримо присутствует в небольшой, но уютной, хорошо обставленной комнате с массивной, добротной, правда, далеко не новой мебелью из мореного дуба.

Почему-то Андрей знал, что это – гостиничный номер в небольшом германском городке Виттенберге, и комнату эту мерил шагами, явно кого-то дожидаясь, так хорошо ему знакомый, все такой же подтянутый и моложавый, но уже почти седой Йохан Фауст. Наконец за дверями раздался стук, Фауст метнулся в прихожую и впустил высокую женщину, закутанную в серый дорожный плащ, скрывающий ее лицо большим, надвинутым на глаза капюшоном. Женщина порывисто обвила руками шею мага, и тот нежно, с какой-то невыразимой печалью откинул с ее лица капюшон, и стал покрывать поцелуями-прикосновениями бледное, слегка вытянутое лицо, большие зеленые глаза, пшеничные вьющиеся локоны.

– Здравствуй, Марго, – назвал он ее на французский манер хриплым, севшим голосом, – не думал, что свидимся еще...

Маргарита (Андрей сразу понял, что это именно та, о которой много раз упоминал Фауст) отступила на шаг назад, положила ему пальцы на губы, словно призывая помолчать, и долго вглядывалась в его красивое, мужественное лицо глазами, полными слез.

– Молчи, ничего не говори. Слова произнесенные есть ложь, – прошептала она с печальной улыбкой, продолжая разглядывать его лицо, словно это было сейчас самым важным в ее жизни. – Хочу насладиться минутой истины.

– А что есть Истина? – горько усмехнулся Фауст, повторив вольно или невольно исторический вопрос Понтия Пилата.

– А Истина, что ты жив, что я тебя вижу и глаза твои по-прежнему человеческие.

– Все еще человеческие? – опустил Фауст лицо. – Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что в твоих зрачках сегодня не играют языки адского пламени...

– Это потому, что ты снова рядом... Господи, сколько же лет? Пять? Десять? Я сбился со счета, Марго. А впрочем, надо привыкать, ведь экспедиция прошла успешно, я сумел добыть то, ради чего отправился в Гималаи... Если не считать той мелочи, что погибли все мои товарищи, – горько добавил он после некоторого молчания, глядя в никуда, словно перед его глазами стояли погибшие. – А может, и не стоит... – (Было непонятно, что именно.) – А кстати, почему ты сказала об адском пламени? Ты никогда раньше... хотя я подозревал, что это должно быть заметно.

– Дорогой мой, любимый, – сказала Маргарита с бесконечной печалью в голосе, – я видела это давно, я вижу многое, чего не видят другие. А впрочем, для этого не надо быть ясновидящей, достаточно иметь любящее сердце. ТЫ ПРОДАЛ ДУШУ ДЬЯВОЛУ?

Фауст долго глядел на свою возлюбленную.

– Ты знала... – промолвил он через некоторое время, прямо не отвечая на вопрос. – Но тогда почему ты не оставила меня, ты ведь никогда не была поклонницей князя мира сего?

– Я видела, как ты страдаешь, твое сердце никогда до конца не принимало этого договора, я пыталась, как могла, бороться за твою душу.

Андрей смотрел на эту высокую белокурую женщину с большими зелеными глазами и находил все больше неуловимого сходства с Единственной из его сновидения, как мы находим сходство в чертах взрослого человека с фотографией, сделанной в детстве. Нет, с Лианой ни в ее лице, ни в фигуре ничего общего не было. Но почему же тогда он так безоглядно влюбился в Лиану?

Фауст молча отошел от Маргариты и устало присел на край кровати.

– За мою душу... – проговорил он горько. – Поздно, Марго, Мефистофель – так зовут этого могущественного духа тьмы – словно бы оплел ее невидимой паутиной, и каждый мой

шаг в нежелательном для него направлении дается мне с колоссальным трудом. Я давно уже перестал бунтовать, иногда я, правда, саботировал его планы, просто отказываясь делать что-либо, но он снова и снова выводил меня на предначертанный путь. И получалось, что очередное роковое решение принимал я сам. Но ведь замыслы его были грандиозны, в конце концов, я сам искренне желал помочь человечеству, и демон наделил меня необыкновенными возможностями для осуществления этой задачи. Он готовит меня в мировые диктаторы. Первым главным этапом (до этого было много второстепенных) было создание с его помощью философского камня первой ступени, позволяющего производить золото в любом количестве, вторым – этот этап еще далек до завершения – возможность продлевать мою земную жизнь на неограниченное время и постепенный захват влияний во всех королевских дворах Европы. Для этого необходимо создание философского камня второй ступени, что было невозможно без звездного вещества под названием «Волосы Ангела» и кристалла Чантамини. Мне удалось раздобыть их в Гималаях, так что задача, в принципе, выполнима...

– Каков третий этап? – спросила Маргарита, тревожно глядя на возлюбленного.

– Третий этап станет возможным лет через сто – сто пятьдесят: философский камень второй ступени должен самостоятельно созреть, словно плод, и превратиться в философский камень третьей ступени – это ключ к неограниченному могуществу и подчинению суммы воли человечества моей воле. Тогда я стану мировым диктатором, вернее ограничивать меня будет только воля Сатаны. За время созревания философского камня природа моего тела должна пройти определенную трансформу, оно будет меняться соответственно тем изменениям, которые произойдут в камне по мере его созревания. Я фактически оказываюсь его заложником. По крайней мере, так сказано в тайных каббалистических свитках, которые мне помог обнаружить Мефистофель, и пока все, что там записано, сбывается.

Итак, я становлюсь главным кредитором европейских династий и их вооруженных сил, все больше подчиняя своему влиянию королей и генералов. Далее я прекращаю распри и войны между европейскими государствами, и одновременно тысячи эмиссаров готовят общественное мнение для объявления Европы единым государством. На это уйдет не одно десятилетие, но когда мне удастся получить философский камень второй ступени, времени у меня будет предостаточно. Далее – бросок на восток, и, в конечном счете – мировое господство. Конечный этап будет возможен лишь когда философский камень второй ступени трансформируется в третью ступень, тогда никто не сможет противостоять воле Фауста, и я буду объявлен бого-человеком... Хотя, если называть вещи своими именами, стану дьяволом-человеком, поскольку ткани и органы моего тела к тому времени трансформируются в Каррох – демоническую материальность.

А дальше – Золотой век и процветание человечества под моим мудрым и то ли вечным, то ли очень долгим руководством. Как видишь, планы грандиозные и перспективы – небывалые, только... только ничего этого я уже не хочу. Я смертельно устал и предчувствую, что никакого счастья человечеству не принесу, а только ввергну его в еще большие бедствия. В теории все красиво, стройно и разумно, а на практике на каждом последующем этапе моего медленного восхождения для достижения очередной цели обстоятельства вынуждают жертвовать все большим количеством человеческих жизней, причем помимо моего желания: этого требует ситуация. Начиналось же все... – Фауст в порыве откровения (очевидно, он долгое время скрывал все это от Маргариты) глядел на нее жестким пронзительным взглядом. На минуту он замолчал, пытаясь справиться с охватившим его возбуждением. – Начиналось же все с убийства одного-единственного новорожденного младенца. Его я заколол над алтарем сатаны, поскольку без этой жертвы невозможно было создать философский камень первой ступени и получить доступ к золоту. Я успокаивал себя, что ребенок все равно, наверное, был больным, никому не нужным и, вероятно, бы погиб... я купил его у одной спившейся побирушки. С той поры мне каждую ночь снится сон, как стилет входит в его маленькое, безза-

щитное тельце. Я обманывал себя тем, что это неизбежная первая и последняя жертва... увы: количество жертв возросло непомерно. Возможно, в дальнейшем, при захвате власти, этих жертв будут легионы... Хотя погибнут они не от моих собственных рук: естественно, появится много могущественных врагов – их придется уничтожать всеми возможными средствами, и, естественно, во благо всего человечества...

Ну вот, – усмехнулся он печально, – я и исповедался моему пастырю. Сколько раз собирался, и все сил не хватало, я был уверен, что это разлучит нас с тобой, и все тянул время. Теперь же я знаю, что сам должен просить покинуть меня, иначе кровь, которой залиты эти руки, падет и на тебя, моя любовь. К тому же ты сама заговорила об адском пламени в глазах, и это подтолкнуло меня рассказать хотя бы одному человеку, кто я на самом деле, – он грустно поднял глаза на Маргариту, которая к этому времени безмолвно сидела рядом с ним, на краю кровати. – Теперь после всего, что ты узнала, хотя, возможно, о многом догадывалась сама, ты вольна покинуть меня... Или же, – он криво усмехнулся, – ты захочешь стать женой будущего диктатора? Но я не смогу сделать тебя бессмертной, это возможно лишь для того, кто подписал договор с сатаной...

– Я замужем, – печально ответила Маргарита. – Такова была воля моих родителей, все считали тебя погибшим, и, хотя я чувствовала, что ты жив, я не смогла противиться давлению. У меня двое детей, муж меня боготворит, но я все эти годы любила только тебя, прости, если сможешь, что не дождалась, – она замолчала и закрыла лицо руками. – Хотя теперь, – добавила она с тоской, – это не имеет значения. Расскажи, что произошло с твоей экспедицией в Гималаях.

– О моей экспедиции? – печально усмехнулся Фауст. – Боюсь, чтобы рассказать все, мне не хватит и нескольких дней, возможно, когда-нибудь я напишу об этом книгу. Честно говоря, я никак не рассчитывал вернуться и, пожалуй, даже искал смерти, но, – он снова криво усмехнулся, – как это ни кощунственно звучит, меня хранил сам сатана. Половина моих товарищей, с которыми я делил скудную пищу и тепло огня в страшные морозные ночи, когда к утру наши волосы и брови покрывались инеем, погибли от голода и холода уже в первый год. Немало полегло и в стычках с местными горцами-разбойниками или сорвалось с отвесных скал. Моя память хранит каждого из них, и меня не оставляет чувство, словно я виноват перед ними хотя бы уже в том, что единственный из всей экспедиции остался в живых. А ведь, пожалуй, из всех нас никто так мало не дорожил своей жизнью, как я. Я вообще уже много лет играю с опасностью и смертью, но, похоже, сама смерть меня избегает... Один мой знакомый постарался сделать, чтобы все было именно так.

– Ты имеешь в виду того... с кем подписал контракт? – Маргарита явно не хотела называть имя.

– А кого ж еще? – пожал плечами Фауст. – Кто ж из смертных способен на такое! И моя неуязвимость в схватках с разбойниками – а ведь погибали воины и поопытнее меня; и то, что я ни разу не заболел, даже когда половину нашего лагеря скосила какая-то страшная кишечная болезнь, которую мы подцепили в одной из тибетских деревень; и то, что я ни разу не обморозился, и ни разу меня не подвела веревочная страховка, хотя со скал срывались и гораздо более опытные скалолазы; и мое спасение в последнем, самом страшном испытании – ЕГО ЗАСЛУГА.

Никто из моих товарищей не знал о настоящей цели экспедиции, все считали, что мы разыскиваем сокровища катаров... хотя частично это была правда. Дело в том, что, среди несметных сокровищ, которые не сумели отыскать крестоносцы во время разгрома Лангедока, но которые, по слухам, удалось надежно спрятать небольшой группе уцелевших катаров, были и две реликвии: главные ингредиенты для изготовления философского камня второй ступени. Это – осколок камня Чантамини и «Волосы Ангела» – реликвии, по легенде принесенные на Землю Небожителями.

Не без помощи Мефистофеля, – Фауст осекся, словно произнесение этого имени давалось ему с большим трудом, – мне в Провансе удалось обнаружить карту, на которой было отмечено местонахождение одного тибетского монастыря. Естественно, карта оказалась зашифрованной, но я разгадал шифр. Так вот, катары спрятали сокровища и реликвии в Гималаях в одном из подземных горных пантеонов, который с незапамятных времен охраняли монахи этого самого монастыря. Там они хранили свои реликвии, полученные, по легенде, якобы от самих адептов легендарной Шамбалы. Катары, по преданию, приняли буддизм и вступили в орден этого монастыря. Нашей задачей было найти его, что казалось несложным, поскольку карта у меня была. Затем любым способом – обманом, золотом, пытками выведать, где находится пантеон. По преданию, он был вырублен прямо в скале не так далеко от монастыря, а в самом монастыре, по моим предположениям, должна была быть спрятана карта этого места. Увы, когда после первых трудностей и лишений мы все же добрались до цели, оказалось, что монастырь был разграблен и разрушен во время нашествия Великих Моголов. Нужной карты нам обнаружить так и не удалось. Возможно, ее не было вообще или она пропала в дальнейшем.

– Расскажи все по порядку, – перебила его Маргарита, – ты постоянно перескакиваешь. Цель твоей экспедиции мне теперь ясна, но почему вы плутали так долго? И потом, почему катары сами не воспользовались чудодейственными свойствами великих реликвий, ведь они, насколько я поняла из твоего сбивчивого рассказа, дают бессмертие и власть! Почему же тогда крестоносцам удалось разгромить катарскую ересь?

– Хорошо, начну по порядку, – терпеливо продолжил свой рассказ Фауст. – Катарам, вернее, их Верховному магистру удалось получить то, что и мне, – философский камень первой ступени, этим и объясняются великие сокровища катаров: их золото было алхимическим. Но дальше с Великим деланием возникли проблемы, и философский камень второй ступени Магистру получить не удалось: возможно, не хватило времени, возможно, он не знал всех секретов использования великих реликвий Шамбалы, которые, по преданию, принесли на Землю Небожители. – Фауст сделал паузу. – Позже я вернусь к этому факту, это не легенда, я своими глазами видел тела Небожителей... Так вот, не знаю, какова причина, но философский камень второй ступени им получить не удалось. Возможно, Магистр и сознательно не пошел на второй этап Великого делания: это слишком опасно и может нарушить мировое равновесие. По крайней мере, если бы камень второй ступени был у них, крестоносцам никогда не удалось бы одержать победу.

В ночь перед падением крепости Монсегюр – последнего оплота катаров – по распоряжению Верховного магистра группа его наиболее близких учеников по тайному ходу вывезла часть сокровищ и реликвии, а затем доставила их в Гималаи. Это была последняя воля Магистра: реликвии должны были вернуться туда, откуда пришли, – в Шамбалу или, если не удастся найти эту таинственную страну, куда-то поблизости, в надежное место, и храниться там до лучших времен, когда человечество будет способно принять великий дар Небожителей. Все это, как выяснилось позже, катарам удалось осуществить.

Большую часть золота, которую маленькая группа, естественно, не могла с собой вывести, магистр уничтожил в последнюю ночь осады Монсегюра, когда главные реликвии были уже вывезены. С помощью философского камня первой ступени можно создавать золото, но можно, зная таинства метаморфоз элементов превратить его в первичный элемент – протил, который выглядит как обычный пепел, что и было сделано. Поэтому крестоносцам не удалось обнаружить легендарные сокровища катаров.

Теперь вернусь к моей экспедиции. Пересказывать ее во всех подробностях нет смысла, о подобных путешествиях можно прочитать в дорожных дневниках любого великого путешественника – того же Марко Поло... Опишу только последний этап нашей экспедиции, когда нам все же удалось обнаружить пантеон.

Итак, мы прибыли на Тибет, наняли проводников и двинулись на поиски нужного нам монастыря, затерянного в высокогорье. К тому времени мы уже знали, что монастырь разрушен и никаких монахов там нет, но, тем не менее, деваться было некуда, нам нужна была отправная точка для дальнейших поисков. Была и еще одна причина, но об этом чуть позже.

Что сказать тебе о горных красотах, которые открывались нам каждый день? Ничего более величественного я не видел в своей жизни, но, когда видишь эту красоту многие месяцы и годы и когда среди этой красоты от голода, холода и болезней гибнут твои товарищи, она уже не радует душу и становится проклятьем. Волей-неволей начинаешь тосковать по нашим скромным прусским холмам и мягкому климату. Через много месяцев после того, как мы вступили на землю Тибета, по узким горным тропам, в течение столетий прорубавшимся монахами здешних бесчисленных монастырей, нам удалось добраться до места, указанного на карте, и убедиться, что местные жители не обманывали. Монастырь действительно был разрушен до основания, и, после того как мы разобрали обломки и проникли в заваленные кладовые, ничего, кроме скелетов и битой посуды, обнаружить не удалось: все было похищено монголами либо истлело от времени.

Но у меня в запасе был еще один способ – магия, ведь ты же знаешь: в Европе нет мага и духовидца, равного мне. Еще раньше, в начале экспедиции, я обратился к горным духам с просьбой помочь мне обнаружить пантеон. Но духи капризны и несговорчивы, а мой главный помощник Мефистофель был не властен над ними – это была не его епархия. Все, что мне удалось узнать, это то, что я должен был добраться до развалин и попытаться вызвать там духа-хранителя этих развалин – возможно, он согласился бы чем-то помочь, но было не известно какую плату за это потребует. А платить мне пришлось жизнями моих товарищей, ведь золото духам не нужно. Духи требовали жертв за оказанную помощь, поэтому непонятная эпидемия в лагере, и слишком частые нападения разбойников, и срывы опытных скалолазов в пропасти были вызваны нарушением Равновесия, и нарушил его я, прибегнув к помощи духов. Ясно, что в таких условиях я должен был избегать магии вызова и не мог использовать магию защиты: духи что-то сообщили мне только на том условии, что я не буду прибегать к ней в дальнейшем. Мне предстояло осуществить магию вызова еще раз на развалинах монастыря, и я содрогался от мысли, каких жертв потребует от меня дух-хранитель за свою помощь.

Итак, после того как мы вышли к развалинам монастыря и безрезультатно истратили несколько недель на раскопки, однажды ночью, когда все мои товарищи спали, я вновь прибегнул к магии, и вызвал духа-хранителя места. Он явился ко мне в образе старого буддийского монаха и сообщил, что пантеон действительно существует, но плата за реликвии, которые я жажду получить, – жизни всех моих товарищей. А условия таковы: семь лет я, как Моисей, буду водить их по кручам Гималаев, делая вид, что мне известно место, где находится пантеон. Большая часть моих друзей погибнет в этих странствиях, а через семь лет я должен оказаться в указанном месте и там снова прибегнуть к магии. Тогда мне будет указано точное местонахождение пантеона, но там меня и оставшихся в живых ожидает самое страшное испытание, а какое – этого дух не сказал. Итак, если я согласен, сказал дух, то должен подписать договор, если нет, то волен поворачивать обратно, и тогда дух гарантировал, что большая часть оставшихся в живых людей благополучно доберется до родины. Надо ли говорить, что я все же заключил договор, понимая, что тем самым обрекаю своих друзей на гибель, поскольку духи никогда не шутят и точно соблюдают условия договора.

Я сообщил своим товарищам, будто духи указали мне местонахождение пантеона и семь лет водил их по Гималаям, то будто бы теряя, то вновь находя одному мне известную дорогу, в конце которой нас ожидали несметные сокровища. Далеко не все согласились идти со мной до конца, многие повернули обратно (в начале экспедиции нас было около сотни, к концу – только десять). Не знаю, остались ли в живых те, кто отказались идти дальше, после того как выяснилось, что в развалинах монастыря нет никакой карты, но половина согласилась идти

со мной, не зная, какая участь уготована им духом-хранителем: жажда богатства в этих стойких авантюристах была сильнее страха неизвестности и смерти.

Итак, через семь лет скитаний, когда все мои оставшиеся в живых товарищи уже отчаялись найти заветный пантеон, мы вышли на указанное духом-хранителем место, и там я вновь прибегнул к магии вызова. Дух удовлетворенно сообщил, что все предварительные условия выполнены и я выдержал испытание. Он указал скалу, где скрыт пантеон (вход был тщательно замаскирован), и сообщил, в каком из его многочисленных залов хранятся сокровища катаров и где в стене спрятаны необходимые мне реликвии.

Через сутки перехода через самый сложный горный перевал, где мы потеряли еще троих, десять оставшихся в живых, и я в том числе, стояли перед скрытым в скале входом.

Как описать то, что мы увидели, когда миновали длинный коридор в скале и оказались в первом зале пантеона? Более величественного подземного сооружения я не видел никогда, он мало напоминал помещения буддийских храмов, и это было не самым главным чудом. В конце концов, и карта звездного неба, изображенного на полусферическом куполе со звездами из сверкающих самоцветов, и удивительные изображения странных величественных богоподобных существ, и многое, многое другое могло быть делом рук человеческих, но мы увидели там то, что не мог бы изготовить ни один самый искусный смертный мастер. Посреди зала стояли три гигантских саркофага из неизвестного металла, исписанные неведомыми рунами и сверху накрытые такими же гигантскими крышками из какого-то прозрачного материала. Это было не стекло – даже алмаз не оставлял на нем царапин и разбить его было совершенно невозможно. Внутри же каждого из саркофагов лежала человеческая фигура немыслимых размеров. Первая, самая большая – не меньше тридцати футов, вторая – около двадцати, третья – около десяти. И эти три обнаженные фигуры были покрыты тонким слоем золота, так что все особенности черт и строения этих огромных тел сохранили свою первозданность. Никакое искусство литья или резца не способно воссоздать такое совершенство. У каждого из нас возникло отчетливое чувство, что это не скульптуры, покрытые золотом либо сделанные из чистого золота, но именно тела недавно усопших гигантов, покрытые тонким слоем не окисляющегося металла.

В другом зале поменьше мы обнаружили массу удивительных механизмов, назначение которых было нам неизвестно, в третьем вдоль стен имелось множество ниш, также надежно закрытых небьющимся прозрачным материалом, и в нишах этих находились тела маленьких, как пятилетние дети, человекоподобных существ с огромными головами и глазами, без носа и половых органов: они тоже были мумифицированы с помощью золотой пленки и выглядели, словно живые.

Все здесь казалось невероятным, необъяснимым, но увезти это с собой не представлялось возможным. Даже сравнительно небольшие удивительные механизмы, над назначением которых можно было бы погадать на досуге, находились внутри ниш, а неведомое стекло, которое закрывало ниши, как я уже сказал, оказалось крепче брони. Нам оставалось только идти вперед, надеясь, что сокровища катаров не спрятаны в таких же нишах.

Четвертый зал выглядел уже по-другому. Создатель первых трех имел, скорее всего, веземное происхождение – об этом свидетельствовали и неизвестные материалы, и фантастические экспонаты, и полное отсутствие пыли и следов времени. Казалось, и эти мумии, и механизмы, и пол, и стены только-только оставлены какими-то неведомыми хранителями в идеальном порядке. Следующий же зал оказался вполне земного происхождения: просторный, но ему было далеко до величия и сохранности первых трех. Стены его являли собой обычную скальную породу, выдолбленную человеческими руками и инструментами, без каких-либо изображений и покрытия, и около этих стен стояли многочисленные сундуки и ларцы с несметными, по понятиям моих товарищей, сокровищами: золотыми украшениями, монетами, слитками, драгоценными камнями.

Пока мои товарищи упивались обнаруженным, бросаясь от сундука к сундуку, я незаметно проследовал в дальнюю часть зала, открыл потайную дверцу в стене, как мне указал дух-хранитель, и незаметно извлек то, ради чего отправился в эту экспедицию и потерял столько людей: два маленьких ларца с белым кристаллом Чантамини и серебристыми гибкими волокнами, которые именовались «Волосы Ангела». И то и другое я спрятал в кожаном мешочке, который носил под одеждой на шее. Прodelал я это совершенно незаметно, и мои друзья даже не заподозрили, что, помимо земных драгоценностей, я обнаружил здесь нечто совсем иное и что за мою находку им предстоит заплатить своими жизнями... Но какая их ждет гибель? Об этом я не знал и полагал, что нас и в дальнейшем ждет череда несчастных случаев, которая не прекращалась с начала экспедиции. Увы, все оказалось страшнее.

Мы уже перетаскивали ко входу пару сундуков и несколько ларцов, когда кто-то из моих товарищей сказал, что неплохо было бы хотя бы двоих оставить около сокровищ снаружи в качестве охраны. Кого они боялись, не знаю, ведь в этих труднодоступных местах на десятки и сотни миль вокруг не было ни одной живой души, и, тем не менее, большинство поддержало эту идею: страх потерять сокровища, найденные с таким трудом и такими жертвами, был настолько велик, что обычный здравый смысл не срабатывал. Как выяснилось потом, это нелепое предложение спасло жизнь мне и продлило еще четверым.

Мы оставили у входа двоих, а остальные восемь проследовали в пантеон за очередными сундуками – и тут случилось непредвиденное: когда мы подняли один из сундуков (он был наиболее тяжелым, и поднять его мы могли только вчетвером), под ним щелкнула невидимая пружина, и деревянная подставка, на которой он стоял, поднялась вверх. Мы услышали скрежет металла о камень, и между нами и коридором опустилась массивная стальная плита. Одновременно раздался грохот, и стало ясно, что в коридоре за дверью произошел обвал. Как передать то, что мы испытали, когда поняли, что оказались в тупиковом зале, ибо этот зал был последним в коридоре и заканчивался стеной, а единственный выход оказался завален с помощью ловко замаскированной ловушки?..

Выломать дверь? Но это была толстенная стальная плита, зафиксированная в глубоких пазах скалы, а мы даже не взяли с собой ни кирки, ни лома и вообще избавились от всякой лишней тяжести, поскольку единственной задачей нашей группы было вытащить сундуки наружу. Не было у нас с собой ни пищи, ни топлива. Только несколько факелов, которые потухли через пару часов, оставив нас в кромешной тьме. И все же снаружи остались двое наших товарищей, а значит, была и надежда, что рано или поздно они разберут завал и как-то выломают или взорвут дверь, ведь у нас в лагере оставалось еще немало пороха. Но каковы размеры завала, насколько прочно дверь сидит в скале? Этого мы не знали, и потянулись страшные, однообразные часы, дни, затем недели в полной темноте, лишь изредка разгоняемой маленькими кострами из деревянной мебели и сундуков, в которых хранились сокровища, но которые, увы, нельзя было есть.

Вентиляция в нашей мышеловке оказалась неплохая, поэтому свежего воздуха было предостаточно, да и дым быстро улетучивался. Нашлось и еще одно сокровище, которое, увы, только продлевало наши страдания: в центре зала оказалось небольшое углубление, всегда до краев заполненное чистой студеной водой. Очевидно, где-то под нами протекала подземная река, к поверхности которой вела скважина, работающая по принципу родника. Со дна ниши бил ключ, а лишняя вода стекала по желобу под скалу. Эта вода избавила нас от страданий жажды, но, увы, от страданий голода избавить не могла, а он с каждым днем (понятие дня было естественно, условным: там стояла непроглядная тьма) становился все нестерпимее и нестерпимее.

Никаких звуков извне мы не слышали, очевидно, наши товарищи бросили нас на произвол судьбы, поскольку пару сундуков мы успели вытащить наружу и в их распоряжении были два выючных яка, нагруженных нашим скарбом. Чтобы как-то отвлечься от страшных мыслей,

мы долбили скалу вокруг двери всем, что попадалось под руку: кинжалами, пряжками, золотой посудой, но это было почти безнадежной затеей, и, когда все уже едва двигались от голода, мы кинули жребий, и один из нас, вытянувший этот роковой жребий, был убит, и за несколько недель съеден... В нашей мышеловке было достаточно холодно, и тело жертвы мало испортилось к тому времени, когда мы обглодали последнюю косточку.

Вскоре за ним последовал еще один, затем еще... По нашим примерным подсчетам мы пробыли в этом завале около четырех месяцев, и пять наших товарищей были съедены согласно жребию. Надо отдать должное этим суровым людям, прошедшим через бесчисленные испытания: они встретили смерть мужественно и с достоинством. Пять раз я молил Бога и дьявола, которому продался, чтобы жребий выпал именно мне, чтобы разом прекратить душевные и физические страдания, – увы, даже смерть от меня отвернулась.

Примерно через четыре месяца мы, трое оставшихся в живых, услышали отдаленные звуки со стороны завала: кто-то разбирал камни, и это были самые прекрасные звуки, которые нам довелось слышать в своей жизни. Две недели мы слушали, как эти звуки приближаются; вскоре снаружи за дверью раздался взрыв, и стальная плита рухнула вместе с кусками скалы. Так мы оказались на свободе.

Выяснилось, что два наших товарища быстро поняли тщетность попытки разобрать завал вдвоем, но не бросили нас на произвол судьбы, удовлетворившись двумя сундуками сокровищ. Они добрались до ближайшего селения горцев, щедро заплатив, завербовали большую группу людей из местного населения и вернулись с помощью, особенно не рассчитывая заставить кого-либо в живых: ведь путь туда и обратно занял около четырех месяцев – слишком далеко от ближайших поселений находился этот проклятый пантеон.

Итак, нагрузив яков сокровищами, мы двинулись в обратный путь, но, увы, на этом наши злоключения не кончились. Дело в том, что бригада спасателей состояла из местных разбойников, для которых не было ничего святого, поскольку простые набожные тибетцы больше смерти боялись осквернить святыню. Увидев такие немыслимые сокровища, эти лихие люди не смогли справиться с искушением и стали требовать гораздо большую долю, чем это было оговорено ранее. На одной из остановок между нами и тибетцами (которых было во много раз больше) вспыхнула ссора, и все мои друзья были перебиты, а я остался в живых, по-видимому, только потому, что разбойники очень торопились покинуть место преступления и приняли меня за мертвого, а я был только сильно оглушен ударом по голове. Но и здесь сатана спас мне жизнь. Придя в себя, я несколько дней шел один и, несомненно, погиб бы от голода и холода, поскольку до ближайшего селения было не меньше месяца пути, но меня подобрал караван, следовавший из Индии в Китай.

Так я потерял всех друзей и все сокровища, но сохранил то, ради чего снарядил экспедицию – кристалл Чантамини и «Волосы Ангела»...

Дальнейшее мое путешествие в Европу и Германию мало интересно по сравнению с тем, что я пережил в странствиях по Гималаям, – это была приятная прогулка... И вот я сижу в вютембергской гостинице, вижу ту, кого уже не помышлял встретить, и рассказываю свою историю, о которой не ведает ни одна душа.

Фауст закончил свой печальный рассказ и долго молчал, уставившись куда-то в окно. Молчала и Маргарита.

– Ты начал с детоубийства, а закончил людоедством... – дрожащим голосом наконец произнесла она.

– Я начал гораздо раньше, когда возжаждал власти, занялся черной магией, вызвал Мефистофеля и решил, что мне все дозволено, – криво усмехнулся Фауст. – Во всей моей сознательной жизни только в последние десять лет появился луч света, – это ты, мой ангел, мои мысли о тебе, и теперь, после всего того, что ты узнала, когда мы неминуемо должны расстаться, этот луч не угаснет до конца, я не позволю тьме окончательно поглотить его; теперь,

как нельзя яснее, я понимаю: мою жизнь направляет страшная, потусторонняя воля, она уже поглотила большую часть моего существа, и присутствие рядом со мной равносильно контакту с больным чумой или проказой. Рано или поздно находящиеся поблизости тоже заразятся, и этого я не могу позволить: единственное существо на земле, которое я любил и люблю в этой жизни, – это ты, Марго!

Маргарита медленно покачала головой:

– Не обманывай себя, – произнесла она, пронзительно глядя в глаза Фауста, – это был бы самый легкий путь, и говорит в тебе сейчас не твое истинное, светлое «Я», которое заботится о ближнем, а то темное, поглощенное дьяволом, которое к тому же упивается своим собственным страданием и пытается изобразить благородство. Если бы наш окончательный разрыв помог спасти твою душу, я бы не задумываясь ушла в ту же минуту и постаралась, чтобы ты меня больше никогда не увидел. Но в действительности это окончательно лишает твою светлую сторону шанса на победу. Нет, милый, я останусь с тобой до конца, как бы трудно мне ни было после того, что я узнала.

– До конца... – усмехнулся Фауст. – Неужели ты не поняла, что у меня теперь есть два недостающих ингредиента для изготовления философского камня второй ступени. После этого продолжительность моей жизни возрастет непомерно, я буду жить очень долго, и множить преступления, и непрерывно страдать... Когда-то я думал, что совесть лишь назойливая муха, прихлопнув которую я разрешу все свои нравственные проблемы. Но оказалось, что это не муха. Теперь я вижу себя похожим на Прометея, прикованного к скале, к которому каждый день прилетает орел и клюет его печень, а на следующий день рана затягивается, и орел прилетает снова... Этот орел – моя совесть, и я не могу от нее никуда деться. Каждую ночь во сне я вижу лица людей, в гибели которых виноват вольно или невольно. Я теперь совсем не могу есть мясо... Мне каждый раз кажется, что я ем человечину, пожираю плоть моих товарищей...

– Прометей... – как эхо повторила Маргарита. – Прометей похитил с неба огонь и принес его людям... Неужели ты не понимаешь, что твое воцарение в качестве диктатора не принесет людям ничего, кроме бесконечных войн и страданий? Неужели ты полагаешь, что сможешь установить на земле мир и порядок, нагромоздив горы трупов? Мефистофель ловко обманул тебя, твое правление не станет правлением мудрого и справедливого владыки – это будет владычество и царство сатаны. Неужели события последних лет не убедили тебя в этом? Хотя, что я говорю! Одна твоя часть давно все это поняла, но другая пытается убедить себя, что в конечном счете все будет хорошо: еще одна жертва, еще одна смерть для достижения заветной цели, и ничего подобного уже больше не повторится... Никогда уже хорошо не будет! Единственное, еще что может поправить ситуацию, – это твоя совесть, Божья искра, которую не сумел поглотить дьявол – и я не дам ей потухнуть!

– Что же делать? – печально спросил Фауст. – Я все время пытаюсь сопротивляться ему, моя жизнь превратилась в сплошную муку, но он всегда поворачивает события так, что я, в конце концов, делаю все для исполнения его замысла, – и поворачивает так искусно, что решения принимаю я сам, и исполняю их тоже сам. Даже отправляясь в Гималаи, я рассчитывал сорвать его замысел, груз которого стал для меня слишком непосильным, я рассчитывал погибнуть – я был просто уверен, что не найду никаких реликвий и погибну, но все сложилось так, что я выжил и привез домой реликвию, а все мои товарищи навсегда остались в горах... По-видимому, так же будет и впредь.

– Скажи... – глаза Маргариты сверлили лицо Фауста. – А ты никогда не пытался разорвать контракт?

– Разорвать контракт? – горько рассмеялся Фауст. – Неужели ты думаешь, что это возможно? Неужели ты думаешь, что Мефистофель так глуп? Затеяв свою дьявольскую игру на Земле (к несчастью, главная фигура в этой игре в настоящее время я), он составил такие условия договора, что его практически невозможно расторгнуть.

– Ты сказал «в настоящее время». Подобные попытки дьявол делал и раньше?

– Ну конечно, сатана издавна стремился установить на Земле диктатуру, но по незыблемым законам осуществить это он может только через своего ставленника, и этот ставленник должен быть человеком. По крайней мере – родиться человеком.

– Значит, ставленники были у него и раньше? И тем не менее все эти попытки до сих пор заканчивались неудачей?

– Ну конечно, это были и Калигула, и Нерон, и Чингиз хан...

– Так почему ты считаешь, что его попытка на этот раз удастся? Почему ты считаешь, что обречен осуществить его замысел, страшных последствий которого мы даже представить себе не можем?

– Мефистофель сказал, что на этот раз он учел прежние ошибки, и я самая подходящая для этого кандидатура... Правда, он всегда сетовал на мою немецкую сентиментальность. Теперь же, когда у меня есть неограниченный источник золота и возможность добиться фактического бессмертия, я не вижу причин...

– Причина – в твоей совести и нашей любви... – одними губами прошептала Маргарита. Фауст грустно покачал головой.

– Если я разорву контракт, – сказал он не очень уверенно, – то при жизни потеряю все, что имею сейчас: богатство, власть, магические силы, к тому же после смерти, которая последует вскоре за этим, душа моя попадет в полное распоряжение дьявола и фактически потеряет надежду на последующее спасение. Меня ужасают посмертные страдания, которым не будет конца. А так, пока я выполняю условия договора, посмертное воздаяние отодвигается на неопределенное время. И убить себя я не могу. Мефистофель внушил мне такой ужас перед самоубийством и его последствиями, что я абсолютно не способен решиться на это, хоть и жизнь моя тоже стала невыносимой. Такое чувство, что совесть моя по какой-то необъяснимой причине не только не угасает, но, напротив, усиливается и мучает меня с каждым днем все больше. Другое дело – насильственная смерть, в этом случае я фактически не нарушаю правил договора, и душа моя имеет право на последующее очищение и спасение. Но дьявол так хитро руководит событиями, что смерть постоянно обходит меня стороной. В каких только переделках я не побывал, любой другой был бы убит неоднократно, но я каждый раз выхожу целым и невредимым. Мне не раз говорили, что меня хранит сам сатана... о Боже! Если бы они знали, насколько правы! Есть только один способ. О нем вольно или невольно обмолвился Мефистофель. Мою земную жизнь может прервать человек, которого я люблю больше жизни, и который больше жизни любит меня. – Фауст в упор посмотрел на Маргариту, словно хотел о чем-то ее попросить, но не находил в себе сил.

Маргарита невидящими глазами смотрела куда-то за окно.

– Ты можешь показать мне реликвии? – севшим голосом произнесла она.

Фауст молча встал с кровати, снял с шеи небольшой кожаный мешочек и развязал его. В нем оказались два хрустальных флакона, в одном находился дымный белый кристалл, формой и размером напоминающий перепелиное яйцо, в другом – пучок серебристых волокон. Фауст поставил их на стол с видимым облегчением.

– Они постоянно жгут мне кожу и сердце, правда, ожог невидим. С той поры, как я надел этот мешочек на шею – а снять его со своего тела я не могу, не имею права, – он жжет меня постоянно, и муки совести возросли многократно. Но если я больше часа не чувствую его на себе, возникает непреодолимый страх, который усиливается с каждой минутой.

На вид эти реликвии ничего особенного не представляют, сама видишь: похоже на кусочек белого мрамора и пучок серебряных нитей, но в темноте они светятся: камень розовым, а волокна – голубым. Розовое символизирует женскую изначальную энергию Творца, голубой – мужскую. Если их сплавить определенным способом, – на это уйдет много месяцев и этапов Великого делания, – они сольются в единое, и произойдет зачатие. Через несколько лет родится

философский камень второй ступени, и я получу с помощью него бессмертие... ну, если не бессмертие, то возможность очень долгой жизни, во много раз превышающей жизнь обычного человека. О том, что произойдет с моим телом по мере того, как философский камень второй ступени будет вызревать в камень третьей ступени, я тебе уже говорил.

– Эти реликвии можно уничтожить? – спросила Маргарита.

– До того, как они сплавятся в единый алхимический организм, они легко растворяются в крепкой кислоте, по крайней мере, так сказано у Парацельса. Другое дело – философский камень второй или третьей ступени – он неуничтожим и сам по себе исчезнет после смерти создателя, а жизнь его будет очень и очень долгой. Камнем не сможет воспользоваться никто другой, он фактически становится единым целым со своим хозяином. Потому я и сказал, что не смогу дать тебе бессмертие.

Маргарита долго смотрела на эти на вид такие неприметные реликвии. Она словно принимала какое-то решение. Затем, охваченная страстью и отчаянием, судорожно обняла Фауста и впиалась в его губы. Какое-то время они иступленно срывали друг с друга одежды, затем со стоном опрокинулись на кровать. Андрей еще ни разу не видел такого безумно-прекрасного слияния двух тел. Даже сцена тантрического ритуала в храме Кали-воительницы казалась обычной искусной любовной техникой по сравнению с тем, что Андрей наблюдал сейчас. Это была величественная, грандиозная песня любви, словно два пылких существа, наделенные сверхъестественными силами, пытаются слиться воедино, сознавая, что это последнее их слияние... Андрей видел над их телами сполохи и вихри какого-то изначального света имя которому Любовь. Он ощутил себя единым с этим потоком и потерял чувство времени...

Но всему приходит конец. Долгое время Фауст и Маргарита лежали навзничь, совершенно обессиленные, затем Маргарита встала, пошатываясь, и начала медленно одеваться. У нее дрожали руки, и она плохо справлялась с многочисленными застежками и завязками средневекового платья.

– Ты все-таки уходишь? – полувопросительно полуутвердительно прошептал Фауст. – погоди, побудь со мной еще немного, у меня нет сил расстаться с тобой сейчас!

Ничего не отвечая, Маргарита вновь вернулась к кровати, склонилась над обнаженным алхимиком и как-то рассеянно поцеловала его в губы.

– Прощай, любимый, – сказала она почти спокойно и тут же нежно положила ему пальцы на губы, не давая ответить. – Прости, так надо...

Затем неуловимым движением она выхватила из корсета маленький тонкий стилет и вонзила его в грудь возлюбленного.

– Ты... ты... сделала это... – только и успел произнести Фауст. Его тело несколько раз дернулось на ложе любви и затихло. Маргарита словно бы в забытьи долго смотрела на мускулистое прекрасное тело своего возлюбленного, которое еще недавно так иступленно обнимала.

– Прости, любимый, единственный, – отрешенно произнесла она. – Я вновь обрела тебя и вновь потеряла...

Маргарита решительно встала и начала шарить по шкафам, пока не обнаружила миниатюрную походную аптечку алхимика. Вскоре она вытащила из ячейки бутылочку с надписью «Олеум» с маслянистой жидкостью, которую искала. Она подошла к столу, где одиноко стояли два хрустальных флакончика с реликвиями Небожителей, вытащила из них пробки и доверху залила сначала один, затем другой. От реликвий пошли пузырьки, и они начали быстро растворяться в кислоте. Из флакончиков повалил едкий дым.

Маргарита выпрямилась, взяла со стола стилет, которым недавно убила своего возлюбленного, подняла его на уровень своей груди и произнесла все тем же отрешенным голосом:

– А теперь я ухожу, мой единственный, быть может, мы еще встретимся там... когда-нибудь. На все воля Божья. Властью моей любви освобождаю тебя от *контракта*...

С этими словами она зажмурилась и вонзила стилет в ту же часть груди, в которую недавно ударила своего возлюбленного. Умерла она быстро, видимо, удар попал точно в цель – разрывающееся от любви и горя сердце.

Она еще не успела беззвучно осесть на пол, когда в комнату, где произошло это последнее свидание, ворвался вихрь. Стекла были в мгновение высажены, вихрь сгустился в черный смерч и начал с диким визгом и грохотом крушить все, через что проходило его жадное, бешено вращающееся жерло. Вскоре от мебели остались одни щепки, а тела любовников были искорежены и отброшены к стене, то ли случайно, то ли нет оказавшись одно на другом, как это было с ними незадолго до трагической развязки.

Сознание Андрея уже уходило в небытие, когда он услышал раздраженный голос своего старого знакомого из преисподни:

– Глупец! Я же говорил тебе, нельзя доверять женщинам! Такую великолепную шахматную партию испортила. Теперь придется все начинать сначала!

Это было последнее, что услышал Андрей. Затем его поглотила тьма. И в следующее мгновение он очутился на своей кровати. Уже брезжило утро, и он не успел толком обдумать заключительную сцену истории доктора Фауста, когда зазвонил будильник. Была пятница, Андрею предстояло очередное суточное дежурство, Леночке – занятия в институте, и выезжали они сегодня вместе. Андрей растолкал жену, которая не слышала будильника, и занялся кратким циклом асан, а Леночка отправилась готовить завтрак. В былые времена наутро после бурно проведенной ночи, она, сохраняя недавнюю истому, была игрива и ласкова и всегда находила возможность втянуть Андрея в утренний секс по короткой программе, но сегодня Леночка казалась непривычно отчужденной и не приставала к мужу, за что тот был ей искренне благодарен. Уже когда они сидели за столом, Леночка натянуто молчала, что было для нее несколько необычно, и глядела куда-то в сторону.

– Что-то случилось? – спросил Андрей, чтобы как-то разрядить тягостное молчание. («Чушь какая-то, – мелькнуло у него в голове, – мы же рядом лежали, что могло произойти!»)

– Ты меня всю ночь избивал! – обиженно ответила она, по своему обыкновению надув пухлые щеки.

– Я? Избивал? Что за бред ты несешь?

– Во сне избивал! Да еще с таким садистским наслаждением! – полушутя, полусерьезно ответила Леночка. – У меня до сих пор все тело болит.

– Ну вот, приехали к бабушке! – дошло до Андрея. – Я, выходит, за твои дурацкие сны отвечать должен! Что ж ты мне теперь – по поводу каждого сна скандалы устраивать будешь? А что тело болит – ничего удивительного, мы уже давно секс-акробатикой не занимались, ты и отвыкла. А может быть... – Андрей вдруг внимательно посмотрел Леночке в глаза, вспомнив начало своего астрального выхода. – Может, я тебя не просто так бил, может быть за дело? – он чуть было не проговорился по поводу сцены с бородатым мужчиной, но вовремя осекся, не будучи уверенным в том, что Леночка видела в своем сне то же самое, что Андрей видел в астральном выходе.

В глазах Леночки промелькнула тревога, словно она испугалась того, что Андрей что-то заподозрил, и она потупила взор.

– Ничего не за дело, просто подошел и отлупил! Все так правдоподобно было, как в жизни. В конце концов, сон есть сон, но говорят, что сны бывают вещими, у меня самой они неоднократно сбывались. Я поэтому и подумала, что, может быть, ты меня скоро бить начнешь, и потому на тебя обиделась.

– Ну, ты даешь, – засмеялся Андрей, – я что, какой-нибудь слесарь дядя Вася? Я тебя хоть раз пальцем тронул? Да более мирного человека, чем я, и представить себе невозможно!

– Да-а-а, – протянула Леночка, – ты сам говорил, что в юности часто дрался и даже чуть кого-то камнем не убил...

– Во-первых, я дрался только в целях самообороны, – несколько слукавил Андрей (он припомнил один случай в восьмом классе, когда его компания, подогретая портвейном, ни за что избила на улице двух незнакомых мальчишек, и Андрей принял в этом самое активное участие – просто чтобы не быть хуже других, в связи с чем его потом часто мучила совесть). – А потом, мне уже далеко не пятнадцать лет, я глубоко верующий, хоть и по-другому, чем ты, человек и принципиальный противник насилия. И все же, – он вновь лукаво глянул на Леночку, – а может, кроме «зверского избиения», было что-то еще?

– Ничего не было! – резко замкнулась Леночка, и по ее тону Андрей понял, что все же было, но она никогда на этот счет не расколется.

– Ну, на «нет» и суда нет! – решил свернуть неприятную тему Андрей. – Наверное, вечером ты на меня сильно обиделась, а во сне твое сознание трансформировало эту обиду в избиение. Ладно, пошли одеваться, а то в институт опоздаешь.

Они вышли из дома и сели в трамвай (в метро их дороги расходились).

– Ты не обижайся, – примирительно сказала Леночка, – утром, пока не проснешься толком, если сон был яркий, то всегда под его впечатлением какое-то время находишься. Сейчас я уже понимаю, что все это – чушь собачья. Я тебя люблю, – привычно произнесла она, чмокнув Андрея в щеку, но на этот раз он не почувствовал искренности в ее словах.

В метро они расстались, как ни в чем не бывало и сели на разные ветки.

«И все же, – думал Андрей, покачиваясь в вагоне, – что-то похожее на то, что я видел, у нее во сне было. Неужели я в ее сон вошел? Насколько помню у Кастанеды – это признак довольно серьезного продвижения. А собственно, разве я это и сам не знаю? Кто из моих друзей-сенсов мог похвастаться, что в таких подробностях видел какие-то свои воплощения, тем более не какие-то, а самые главные! – его мысли автоматически перенесли на последнюю трагическую сцену из жизни доктора Фауста. – Так вот, значит, что с ним произошло! – Думал Андрей. – Он принял смерть от руки женщины, которую любил больше всего на свете, да еще в тот момент, когда меньше всего этого ожидал, – что может быть страшнее! Вот так Единственная! Ведь именно так он ее мысленно называл. Нет, я все понимаю, она хотела избавить его от нравственных мучений и как-то смягчить посмертие, и, возможно, намеревалась тем самым спасти человечество от возможных, но далеко не обязательных бедствий. А как знать, может, правление Фауста наоборот привело бы человечество к Золотому веку, ведь это был образованнейший человек своего времени! И вообще, кто дал ей моральное право на убийство? Фауст ее что ли об этом просил? Нет, не просил, он лишь намекнул, что убить его может только самый дорогой человек, и никто больше. А что до его нравственных мук, так я тоже постоянно мучаюсь – и что же, мой близкий человек, допустим мать, должна меня убить, милосердно желая избавить от страданий? А ведь мне показалось, что это действительно его Единственная, она так была похожа на мою...

Нет, как ни оправдывай, это самое настоящее злодеяние, и, причем самое подлое, какое я видел. С другой стороны, конечно, она убила сама себя, значит, все-таки его любила и не могла жить без него. Хотя, что значит «не могла»? Ведь она жила без него семь или восемь лет и вышла замуж, хоть и считала его погибшим. Значит, все-таки могла! Нет, запутанная история, и оценить однозначно ее поступок нельзя».

Андрей вышел из метро и по пути к подстанции «Скорой помощи» продолжал размышлять. Он ощущал сильную обиду, словно сам пережил смерть от руки Маргариты.

«А ведь считается, что основные кармические ситуации одной жизни повторяются в другой, ну, может, в несколько ином обличье. Это значит, что если я встречу свою гипотетическую Единственную, то могу погибнуть от ее руки? Ничего себе „любовь до гроба“! А по сути, так оно и есть, до этого самого гроба! Нет, нет, это для меня предупреждение: если когда-то

встречу женщину, похожую на Маргариту, от нее надо бежать, как от чумы. Конечно, если бы Йохан Фауст сам попросил ее убить себя, поскольку у него не хватало сил сделать это самостоятельно, тогда еще ее поступок можно было оправдать хотя бы отчасти, но так подло, неожиданно, еще не остыв от его объятий! Да это просто чудовище какое-то. К тому же сказала, что будет с ним до конца!»

«А не являлся ли ты сам чудовищем, Андрюшенька? – вдруг прозвучал в его сознании какой-то совсем иной голос, не тот, который только что обвинял Маргариту. – Ну, естественно, не ты в своем нынешнем облике, а тот, который жил около четырехсот лет назад. А может сейчас ты обвиняешь Маргариту только потому, что, не убей она Фауста тогда, быть может, он все-таки осуществил бы план Мефистофеля, и не исключено, что жил до сих пор! Тогда ты был бы сейчас не каким-то никому неизвестным Андреем Даниловым, а великим диктатором, от одного имени которого трепетало бы любое человеческое сердце?»

«Ничего подобного, – возмутилось другое „Я“ Андрея. – Власти мне не нужно, и я не поклонник сатаны. То, что совершила Маргарита, – убийство (будем называть вещи своими именами). Возможно, существовал и другой выход, может быть, просто следовало уничтожить эти реликвии и спокойно прожить остаток дней: в конце концов, он мог бы просто отказаться от своих амбиций».

«Не обманывай себя, – ответил его внутренний оппонент, – ни за что он от своих амбиций не отказался бы, и никогда не уничтожил бы реликвии, которые достались ему таким трудом и такими жертвами. А если бы это каким-то образом сделала Маргарита, не убив его, – все равно, эти реликвии, наверное, не единственные на земле, и он несомненно бы их снова раздобыл. Продолжал мучиться совестью и исполнять план, начертанный темными силами. Поначалу он постарался бы успокоить голос совести тем, что собирается выполнить научно-алхимический эксперимент: получится или не получится у него философский камень второй ступени. В конце концов, до него это ни у кого не получалось, и где гарантия, что реликвии те самые? А вдруг подделка, а вдруг философский камень второй ступени вообще невозможно получить? А затем, после его изготовления, каждому этапу своего продвижения он вновь бы нашел оправдание. Совесть ведь его мучила обычно уже после того, как он осуществлял задуманное. Обо всем этом догадывалась Маргарита, и, когда он все подтвердил своим рассказом, она внезапно осознала, что другого выхода нет. Убив его тело, она спасла его душу».

«Но почему все же „чудовище“, – не унималось другое „Я“ Андрея. – Может, он и совершал преступления, и перешагивал через трупы, но он был великим человеком, и много страдал!»

«Много страдал! – усмехнулся оппонент. – Что людям до мук его совести! Свои преступления он совершал вопреки этим мукам. Вспомни слова Пушкина: «Гений и злодейство – две вещи несовместные».

«Господи! – вдруг встряхнул головой Андрей. Тут только до него дошло, что он яростно дискутирует сам с собой, совершенно искренне принимая сторону то одного, то другого голоса. – Что же это у меня, раздвоение личности? Сам с собой договориться не могу?» – ему почему-то пришла в голову забавная картинка: его два «Я», так и не придя к единому мнению, начинают друг друга колошматить и драть за волосы.

К этому времени он добрался до подстанции, и мысли его были поглощены текучкой обычных служебных и неслужебных проблем. День и ночь прошли в непрерывных разъездах, хотя ни одного интересного или любопытного случая не было, в основном одни старички-старушки и инъекции... инъекции... инъекции...

Полдня субботы он проспал, а когда проснулся, то решил было позвонить Лиане, пользуясь отсутствием жены (она оставила записку, что уехала к маме), но только он поднял трубку телефона, как в скважине заскрипел ключ: домой вернулась расстроенная Леночка.

– Случилось что-нибудь? – поинтересовался Андрей, видя, что Леночка какая-то не такая.

– С отцом Сергием очень плохо, – всхлипнула Леночка.

Выяснилось, что, побыв немного у матери, она решила зайти в свою церковь и узнала, что у отца Сергия вчера ночью случился приступ аппендицита и когда его отвезли на «Скорой» в хирургическое отделение, то оказалось, что у него произошла перфорация аппендикса, развился перитонит, и нет никакой гарантии, что он выживет.

Услышав такую новость, Андрей почувствовал, что в сердце у него что-то екнуло.

«А ведь это было в ту самую ночь, когда я его в астрале с Ленкой застукал, о кровать шарахнул и пополам разорвал, – в смятении подумал Андрей. – Как раз на уровне живота. Ну, дела! Слишком уж все совпадает. Неужели я действительно могу в астрале с живыми людьми расправляться?» – Андрей вспомнил его совместное с непортальщиками астральное нападение на Мирзабая и его смерть от сердечного приступа за тысячи километров от Москвы. Как ни странно, эти мысли не вызвали у Андрея угрызений совести, напротив, он даже почувствовал гордость за свое неожиданное могущество, хотя другая сторона по-прежнему пыталась его убедить, что все это – чистой воды совпадение.

«В конце концов, – думал Андрей, – ничего плохого конкретному отцу Сергию я не собирался делать, а в астрале поступил, согласно обстоятельствам, не предполагая, что это может как-то на нем сказаться. Так что если даже действительно какое-то мое воздействие было – его можно отнести к разряду несчастных случаев. Просто буду знать, что в астрале надо быть осторожнее».

ГЛАВА 2. Сотворение кумира

В течение недели Андрей каждое утро пытался дозвониться до Лианы, боясь сделать это вечером, когда Леночка являлась из института. Но, очевидно, она выздоровела после приступа и вышла на работу (кстати, Андрей так и не знал, где она работает). Через несколько дней после истории с отцом Сергием Леночка сообщила, что кризис миновал, и батюшка медленно пошел на поправку. Она заметно повеселела, и в ее отношении к Андрею наступило потепление. И все же Андрей ощущал: что-то стало не так. «Хоть бы она как-нибудь к матери ушла на целый вечер!» – раздраженно думал он. С другой стороны, он боялся, что к телефону подойдет муж Лианы и что-то заподозрит, поэтому оттягивал звонок, хотя вполне мог бы сказать Леночке, что звонит какой-нибудь больной. Но Леночка, как назло, к матери не ехала, только пару раз днем навестила (вместе со своей общиной) отца Сергия в больнице, когда тому стало полегче.

Недели через две после их первого свидания, утром, когда Андрей только-только пришел с дежурства и собирался лечь спать, зазвонил телефон.

– Андрюша? – раздался в трубке голос, который Андрей не спутал бы ни с каким другим. – Ты сейчас свободен?

– Лианочка! – чуть не взвизгнул Андрей восторженно-нежно (Леночка, к счастью, была на занятиях). – Это вы... ты?! Я звонил, но тебя все время дома не было, а вечером тревожить не решался!

– Андрюша! – перебила его Лиана. – У меня, кажется, снова приступ начинается, боюсь, как бы опять не парализовало. Ты не мог бы сейчас ко мне приехать? Мне кажется, ты сможешь мне помочь.

– Господи, что случилось?! Конечно, приеду!

– Приезжай скорее, а то, боюсь, сознание потеряю, и некому будет тебе дверь открыть: муж на работе, а дочка в школе.

Андрей быстро оделся и выскочил на улицу: в душе его перемешивались два чувства – страх за Лиану и восторг оттого, что она ему сама позвонила.

«У нее ведь наверняка знакомых сенсов полно, – думал Андрей, – и все же она позвонила именно мне! Значит, доверяет мне больше, чем кому-либо!»

Через полчаса он уже звонил в дверь Лианы. Она открыла не сразу, была бледна, и ее покачивало. Андрей схватил ее за руку и довел до кровати.

– Вот видишь, при каких обстоятельствах снова встретились, – виновато улыбнулась она. – Не лучший повод для встречи, к тому же... я сейчас, наверное, такая страшная и... старая?

– Господи, да что ты говоришь, да ты... – Андрей осекся, не решившись сказать, как она, по его мнению, прекрасна даже сейчас, во время приступа. – Расскажи, что произошло, что сейчас чувствуешь, чтобы я знал, с чего начать.

– Ты же сэнс, и сэнс незаурядный, я сразу увидела, – попыталась улыбнуться Лиана. – Зачем тебе слова? Посмотри меня и начинай работать, а то я, кажется, отключаюсь... – ее глаза начали закатываться, – речь не слушается, – с трудом проговорила она и, похоже, действительно отключилась.

Андрей запаниковал. Не раз в его присутствии люди лежали без сознания, но то были незнакомые, совершенно безразличные ему люди, а тут...

Он долго не мог прийти в рабочее состояние, чтобы «посмотреть Лиану на ментале», но через некоторое время уже наработанное мастерство взяло свое, он успокоился, воспроизвел в сознании кристалл, который символизировал целительский эгрегор непортальщиков, представил на руке свой личный код, который получил при инициации, и приложил его к кри-

сталлу. (Несмотря на то, что после исчезновения Балашова непортальщики перестали собираться для подпитки своего совместного эгрегора, Андрей продолжал по привычке пользоваться этой схемой). Ощувив, что «энергия пошла», Андрей стал смотреть ментальный образ Лианы. Он быстро обнаружил два темных пятна на ее ауре – одно перекрывало две ее нижние чакры, символизирующие половую сферу, другое – в районе горла, на Вишудхе, тянуло щупальца к области сердца, что, по-видимому, спровоцировало сердечный приступ. Голова была чистой, и Андрей отчетливо увидел вертикальный столб, соединяющий сознание Лианы с Космосом, но снизу энергия была словно бы частично перекрыта верхним очагом, отчего мозг оказался обесточенным. Одновременно с этим в сознании Андрея вдруг возникла самопроизвольная картинка: он увидел огромную каменную фигуру-памятник, очень похожую на Лиану, но почему-то в индийском сари, и у ног ее – себя, совсем маленького, едва достигающего до колена изваяния, в отчаянии бьющего кулаками по каменной ноге. Тут Андрей вздрогнул, и видение исчезло.

«Что бы это значило? – недоуменно подумал Андрей. – Какая-то кармическая сценка, которая имеет отношение к ее приступам? Но тогда что означает эта огромная скульптура?»

Андрей перешел на режим воздействия и начал убирать очаги негатива. На уровне физического тела каких-то существенных повреждений он не увидел. Кляксы убирались с трудом, и прошло немало времени, прежде чем они начали устойчиво осветляться. Вскоре ощущение в ладони также смягчилось, и первоначальная «жесткая колючка» стала уходить. Андрей удостоверился, что она больше не возникает, сделав несколько дополнительных пассивных пассов, затем перешел к точечному массажу-шиатсу, чтобы восстановить ход энергии в физическом теле. Все это время Лиана была без сознания, Андрей снова запаниковал, начал энергично прорабатывать каналы сердца и перикарда и, когда перешел к точкам, расположенным в районе ключицы, отвел в сторону ворот халата. Вольно или невольно – возможно, у него дрожали руки – ворот он отодвинул слишком далеко и полностью обнажил левую грудь Лианы – она была без бюстгалтера, очевидно не успев одеться после сна. Андрея окатило горячей волной: грудь у Лианы оказалась весьма большой, но крепкой и упругой, словно у девушки, как будто она никогда не рожала. Андрей ощутил острое желание, смешанное с отчаянием, что Лиана уходит. Подчиняясь какому-то неосознанному импульсу, Андрей поцеловал ее в бледные полураскрытые губы, а затем в сосок... Неожиданно сосок расправился и напрягся, как бывает у женщин, охваченных желанием. В этот момент Лиана открыла глаза, и Андрей испуганно отпрянул от нее, запахнув ворот халата. «Животное! – мелькнуло в его голове. – Что же ты делаешь, подонок!»

Но, похоже, Лиана то ли не заметила, то ли не поняла, что произошло, она приподнялась на локтях, глаза ее смотрели куда-то сквозь Андрея.

– Кто ты? – вдруг спросила она отчетливо, но каким-то далеким, изменившимся голосом.

– Ты... ты меня не узнаешь? Я – Андрей, я пришел помочь...

– Ты... я тебя всегда узнаю, – снова переменялся голос Лианы, в нем мелькнули нотки нежности. – Мне нельзя, нам запрещено... Оставь меня! – вдруг с отчаянием выкрикнула она.

– Мне... оставить... – растерялся Андрей.

Тут Лиана произнесла несколько слов на языке, который был Андрею совершенно неизвестен, и вдруг ее глаза приняли осмысленное выражение. Она ошарашено осмотрелась вокруг, затем прижала ладонь к щеке, бросила взгляд на свой халат, потом на Андрея.

– Андрюша? Ты здесь?

– Ты же мне сама позвонила! – тупо начал оправдываться Андрей. – Я с тобой работал... теперь лучше?

Лиана прижала пальцы к вискам.

– Все в голове путается, – произнесла она слабым голосом, – что было до приступа, как в тумане. Ну да, помню, я тебе звонила, как еще твой телефон нашла... Отходит уже, – более

твердым и спокойным голосом сказала она. – Я, случайно, в беспамятстве ничего не говорила? – она подозрительно глянула на Андрея и села на краю кровати.

– Лежи, лежи! – осторожно постарался опустить ее на подушку Андрей. – Тебе еще нельзя подниматься.

– Уже нормально, я мгновенно восстанавливаюсь, – упрямо вывернулась из его рук Лиана. – Так говорила я что-нибудь? Я кое-что видела по поводу моего прошлого... И, кажется, твоего, – добавила она, почему-то потупив глаза.

– Да так, – пожал плечами Андрей. – Я, честно говоря, ничего не понял. Сначала меня не узнала, потом вроде бы узнала, потом несколько слов, я их не разобрал, что-то не по-нашему.

Его потянуло рассказать Лиане о своем непонятном видении во время сеанса, ему страшно хотелось узнать, что же она видела в это время, но сдержался, поскольку Лиана, по его мнению, была еще очень слаба и воспоминания могли вновь спровоцировать приступ.

– Давай я тебе шею на место поставлю! – вернулся «к своим баранам» Андрей, а то, я вижу, у тебя блок на шее. – В свое время, обучаясь у Балашова, он освоил немало приемов мануальной терапии и часто небезуспешно пользовался этой, в те времена полузапрещенной методикой.

– А ты мне ее не открутишь? – кокетливо спросила Лиана. Она уже пришла в себя, порозовела и выглядела так, словно и не лежала только что с закотившимися глазами без сознания.

– Я аккуратно! – успокоил ее Андрей, ему не терпелось продемонстрировать Лиане, что, несмотря на молодой возраст, он не какой-то там дилетант, а неплохо владеет многими методами немедикаментозного целительства.

Нехитрыми приемами постизометрической релаксации он растянул ей шейные и лестничные мышцы, затем быстрыми манипуляциями поставил на место позвонки. Потом перешел к грудному отделу и закончил свои действия тракцией, крепко обхватив Лиану сзади и резко приподняв. В этот момент они прижались друг к другу, и Андрея охватила горячая волна. «Как она желанна мне! – подумал Андрей, – Господи, как желанна!»

– Ну, все, – сказал он осипшим голосом, стараясь изобразить из себя хладнокровного профессионала, которому нет дела до женских прелестей очаровательной кокетливой пациентки. – Голова не кружится? Не подташнивает?

– Все замечательно! – улыбнулась Лиана. – Милый доктор, вы так чудесно меня исцелили, уж и не знаю, как вас благодарить! – она вновь стрельнула на Андрея глазками. – Как шея трещала, словно у старухи восьмидесятилетней!

«Быстро же она отошла! – подумал Андрей. – Еще десять минут назад казалось, что она умирает, а сейчас словно ничего и не было. Даже не понятно: я ей помог или у нее само по себе все прошло. Интересно, заметила она, что я ее целовал?» – Вдруг испугался Андрей. – А то решит, что я какой-нибудь сексуальный маньяк, ведь действительно же мерзко, когда ты без сознания, в полной беспомощности. Нет, наверное, все же не заметила».

– Как раз это хорошо, что трещала, у старух, как правило, и не трещит, а что до благодарности, то, как говорят у нас на «Скорой», «Спасибо – это слишком много, а червонца – достаточно!» – блеснул он остроумием. – А мне чашечки чая будет довольно, с бутербродом, а то я после дежурства даже не позавтракал. Только ты полежи минут пятнадцать сначала, а то мало ли чего.

– Как скажете, милый доктор, – очаровательно улыбнулась Лиана. – Повинуюсь всем вашим предписаниям... Как странно, – сказала она через некоторое время, – сколько себя помню, занимаясь целительством, я всегда ощущала свою власть над больными и они всегда меня беспрекословно слушались. Я очень многое могу, иногда мне удавалось вылечить совершенно безнадежные случаи, только одно не получалось – себе помочь. И вот я теперь сама пациентка и слушаюсь своего юного доктора, вернее, спасителя.

Андрей проглотил эпитет «юный», но, очевидно, в устах тридцатилетней Лианы это звучало, скорее, как комплимент. Андрей приложил палец к губам, намекая на то, чтобы Лиана полежала чуток, не разговаривая, и начал ходить по маленькой спальне, рассматривая всякие «достопримечательности». Помимо индийских и китайских статуэток и красочных открыток с изображениями Будды, Шивы, Вишну, Кришны, Сарасвати, Ганеши и Кали – все это он видел у Маркелова и Балашова – и натуральных самоцветов, которые в большом количестве валялись у Вадика Крюкова, – внимание Андрея привлекли несколько фотографий, на которых он увидел знакомые лица. На первой рядом с Лианой, совсем еще юной, не старше 17—18 лет, в штормовке и брезентовых брюках, стоял Владимир Высоцкий, собственной персоной, тоже совсем молодой, с бородой и гитарой. Фотография была сделана на фоне лесной опушки и живописного озера.

– Это мы с Володей Высоцким в одной компании в поход ходили по Селигеру, – услышал он комментарий Лианы. – Я только что школу закончила и в МАИ поступила. Он в тот период еще не столь известен был. Кстати, в походе он изрядно за мной приударял и даже песню свою «Живу в заколдованном, диком лесу» мне посвятил. Потом, правда, наши дороги разошлись, и я его больше не видела, хоть он и звонил пару раз. Что мне тогда был Высоцкий, за мной в ту пору сам Магомаев ухаживал... правда, больше, пожалуй, покровительствовал, чем ухаживал, я совсем девчонкой была. Я вообще многих эстрадных звезд знала. Мой папа был известным авиаконструктором, одним из замов Илюшина, он говорил, что любую модель «Ила» мог бы собрать и разобрать собственными руками. Он в свободное время вращался в кругах эстрадного бомонда, иногда и меня с собой брал. Сейчас он совсем старенький, я была его поздним ребенком.

А это я с Анной Герман, – продолжила Лиана, видя, что Андрей снова увидел знакомое лицо (на этой фотографии Лиана была уже гораздо старше). – Я ее вытягивала после того, как она в автомобильную катастрофу попала.

– А это кто? – спросил Андрей, увидев снова совсем молодую Лиану рядом с невысоким, плотного телосложения мужчиной с небольшими усиками. – Мне кажется, я его лицо где-то видел, но не могу припомнить где.

– Это – Иван Антонович Ефремов, – ответила Лиана, – помнишь «Час быка», «Лезвие бритвы», «Туманность Андромеды»?..

Андрей вскинул брови: это было уже гораздо интереснее и ближе ему, поскольку эстрадные и кинозвезды его мало интересовали, а вот «Лезвием бритвы» и «Часом быка» он когда-то зачитывался.

– Наши квартиры рядом были, – стала рассказывать Лиана, – когда я у мамы с папой жила, и я часто к нему в гости ходила еще девчонкой. Он был очень необычным человеком, увлекался парапсихологией и сам серьезно занимался йогой. Кстати, он первым обратил внимание на мои необычные способности. Я ведь с детства и ауру видела, и цветные картинки, когда глаза закрывала, но думала, что это у всех. Он же мне объяснил, что это признаки ясновидения, а потом даже заставлял работать, то есть просматривать картинку специально для него. Кстати, в «Таис Афинской» есть много сценок, которые я увидела и ему описала, например – сцену, когда Птолемей с Таис легли на свежевспаханную землю, и много других. Он смеялся, что, по сути дела, я соавтор этой книги. Еще он меня познакомил с Вольфом Месингом незадолго до своей смерти – к сожалению, как следует позаниматься со мной Месинг не успел, но нашел, что я очень способна и могла бы даже со временем заменить его на сцене. Увы, ничего не вышло, вскоре после нашего знакомства Иван Антонович умер, с Вольфом Григорьевичем я потеряла контакт, а целительством стала заниматься немного позже.

– Ты прямо ходячая история, – позавидовал Андрей, – таких замечательных людей живьем видела. А кого-нибудь из индийских гуру встречала?

– Полуходячая-полулежачая, – грустно улыбнулась Лиана. – Если доживу до преклонных лет, в чем не особенно уверена, смогу написать мемуары «Моя жизнь среди звезд».

– Ты сама – звезда, – тихо сказал Андрей.

– А что касается индийских гуру... – не отреагировала Лиана на последние слова Андрея, словно бы соглашаясь с ними, – к Ивану Антоновичу как-то приезжал старичок из Индии – Иван Антонович называл его «Махатма». Как его звали, не помню, но он первый сказал, что одно из моих воплощений было в Индии. Тогда я заинтересовалась его словами, а позже стала видеть картинки, относящиеся к этому периоду... – Лиана пристально посмотрела в глаза Андрею. – Это была история Дурги и Рама.

– Ладно, – сказала она, поднимаясь, – хватит валяться, мне для улучшения работы мозга нужно чего-нибудь сладкого выпить или съесть. Пошли на кухню, я чай приготовлю.

Лиана заварила чай, нарезала хлеб с ветчиной, и они сели завтракать.

– И все же, – спросил Андрей, решив уточнить диагноз, – из-за чего приступ произошел? Или просто так, на ровном месте? Я когда на ментале просматривал, никаких серьезных повреждений в твоём организме не заметил. Чисто внешние энергетические наводки.

– Не знаю, – Лиана сразу же помрачнела, – я себя никогда посмотреть не могла. Может быть, потому, что Толя опять сегодня... ночью... пытался.

– Что пытался? – вскинулся Андрей, впрочем, понимая, о чем идет речь.

– Он думал, что я заснула, и пытался... тихонько... пока я сплю... Ну, не могу я об этом говорить! – вырвалось у Лианы отчаянное. – Уж хоть бы он себе любовницу завел, если невтерпеж, так нет, он, видишь ли, порядочный, считает, что это нашу семью разрушит, а меня мучает. В общем, утром, когда у меня приступ начался, я сумела собраться, виду ему не показала, дождалась, когда он на работу уйдет, и тебе позвонила, а то он бы принялся своими методами меня в чувство приводить, и кончилось бы все «Скорой» или больницей... – Лиана замолчала, на ее глазах появились слезы.

– Лианочка! – сердце Андрея разрывалось от жалости, неожиданно он поднялся со стула и страстно прижал ее голову к своей груди. На какое-то время Лиана затихла, тихонько всхлипывая, затем положила ладони ему на предплечья и запрокинула голову, глядя на Андрея удивленными глазами, полными слез. Это было уже выше его сил, Андрей медленно наклонился и поцеловал Лиану в губы. В тот же момент Лиана глубоко задышала, и Андрей почувствовал ответ на своих губах... Несколько минут они страстно целовались, Андрей не предполагал, что целоваться можно так искусно и даже яростно, он никогда не целовался со взрослой женщиной, весь его интимный опыт касался только неопытных девчонок, и Леночка умела только то, чему научил ее он сам, – и тут Лиана со стоном оторвалась от него и закрыла лицо руками.

– Что мы делаем! – прошептала она. – Ты же мальчик совсем, я же тебя на десять лет старше!

Андрей сел на стул, в голове у него все смешалось.

«Как так можно! – мелькнула мысль. – У нее же недавно приступ был, и приступ, спровоцированный действиями мужчины! А теперь и я туда же... И все-таки она отозвалась на мой порыв! Не оттолкнула сразу!»

– Прости, – пробормотал он смущенно, – не знаю, что со мной случилось, никогда такого не было.

– Ты хочешь сказать, что никогда не целовался? – усмехнулась Лиана, украдкой посмотрев на его обручальное кольцо.

– Да нет, почему же, – совсем растерялся Андрей, – я имею в виду, что со мной никогда такого не творилось, совсем голову потерял.

– Это надо понимать как признание? – серьезно посмотрела на него Лиана. – Не рано ли? Не зная, что ответить, Андрей тупо уставился на пол.

– Дырку в полу проглядишь, – кокетливо толкнула его плечиком Лиана. – Давай договоримся так: ничего сейчас не было, забыли, я взрослая, замужняя женщина, у меня дочь-школьница, и ты для меня совсем еще мальчик... хоть и не простой, звездный мальчик... – добавила она дрогнувшим голосом, – и что-то со мной сделал такое, что я с собой не совладала... принайся, что ты со мной сделал?! – вновь толкнула она его плечиком, видя, что Андрей совсем раскис. – Давай условимся так: ты мне очень дорог. Но я пока не знаю почему, прошло слишком мало времени с момента нашего знакомства. Мне надо разобраться в своих чувствах, да и тебе бы не помешало. До сего момента мне казалось, что ты меня заинтересовал... ну, как юный сэнс и автор замечательных стихов, и особенно потому, что мы видели в астрале одну и ту же историю. Это меня больше всего поразило, и хотелось ее в деталях с тобой обсудить. У меня и раньше были юные друзья, но только друзья, ничего подобного тому, что произошло сейчас, я себе не позволяла. Но сегодня что-то со мной произошло, мне показалось, что это нечто больше, и я испугалась своего порыва. Так или иначе, мне нужно время, чтобы понять, почему меня к тебе вдруг так потянуло – не как к юному другу, а как к мужчине... Ты не сердишься? Ты обещаешь не торопить меня?

– Лиана... Ланочка! – задохнулся от нежности Андрей. – Да как я могу! Я вообще ни на что такое не рассчитывал, это было какое-то помрачение, но я... я... все же не жалею об этом! – добавил он уже гораздо тверже. – И буду ждать, сколько ты скажешь. Я ведь тоже женат, и у меня тоже с этим серьезные проблемы, – для чего-то напомнил он Лиане.

– Тем более! – в голосе Лианы Андрей уловил какую-то новую ноту – чуть ли не ревность. – Зачем ты так рано женился, ведь ты ее не любишь!

– Не знаю, – пробормотал Андрей, – так получилось, одно время мне казалось, что люблю, но, по-видимому, просто казалось.

– Она забеременела? – Лиана сверлила Андрея глазами.

– Нет, нет, – почему-то испугался Андрей, – Бог миловал, просто она все решила за меня, а я не смог сопротивляться, да и всякие разные обстоятельства были. Кстати, – он тоже посмотрел на Лиану с укором, – ты ведь и сама говорила, что вышла не по любви!

– У меня тоже были обстоятельства, – грустно ответила Лиана. – С Толей я была знакома с первого курса, он долго и галантно за мной ухаживал, я хорошо знала его семью, у него была замечательная мама... Да я тебе об этом уже рассказывала, о своем обещании ей перед смертью, не сказала только, что Толя ей однажды намекнул, что покончит с собой, если я не выйду за него замуж, – и она этого серьезно опасалась, Толя никогда не бросал слов на ветер.

В этот момент раздался скрежет ключа в двери.

– Ну вот, – спохватилась Лиана, – даже не заметила, как время с тобой пронеслось, – дочка из школы вернулась.

Андрей тревожно посмотрел на дверь кухни.

– А это ничего, что я здесь?

– А что особенного? – удивилась Лиана. – У меня часто всякие гости бывают, мои уже привыкли. Иди, познакомься.

Они вышли в прихожую, где стягивала с себя курточку худенькая белобрысая девочка лет восьми.

– Вот, Машуня, познакомься, – представила Лиана Андрея дочери, – это мой лечащий доктор и друг Андрей... – она запнулась.

– Евгеньевич, – подсказал Андрей. – Хотя, зачем отчество!

– Андрей Евгеньевич, – закончила Лиана.

Девочка привычно протянула Андрею руку, и представилась по-взрослому: «Мария».

– Андрей, – смутился тот, пожав ее худенькую ручку.

– А ты что не на работе, мамочка? – быстро перевела она взгляд на мать.

– Плохо мне было, дочка, приступ случился. Вот если бы не Андрей Евгеньевич, не знаю, что бы со мной было!

– Да перестаньте, Лиана, – вновь перешел на «вы» Андрей. – Ничего особенного я не сделал, у вашего организма хорошие компенсаторные возможности... Ладно, пора мне идти! – вдруг засобирился он.

– А может, еще чайку?

– Да не стоит, как-нибудь в следующий раз.

Он быстро надел куртку, незаметно от Маши подмигнул Лиане, и она ответила ему тем же, потом помахал маме с дочкой и вышел за дверь.

Взволнованный всем произошедшим, Андрей решил пройти домой пешком. В душе его одновременно боролись несколько чувств, а на губах горел жгучий поцелуй Лианы. Он еще и еще раз вспоминал, как во время приступа целовал ее губы, ее красивую упругую грудь, потом свой безотчетный порыв на кухне, и как страстно Лиана отозвалась на этот порыв, и с каким сладко-мучительным стоном она оторвалась от его губ. В его ушах еще звучали и «мой звездный мальчик», и «что ты со мной сделал?», и все это заставляло его душу петь от счастья. Это ничего, что Лиана испугалась своих чувств и остановила его, иначе он, конечно, пошел бы на большее. В конце концов, он действительно младше Лианы более, чем на десять лет, и можно понять чувства замужней порядочной женщины, а в том, что она порядочна, Андрей ни секунды не сомневался. Потом, когда она привыкнет и к нему, и к его возрасту, – все станет возможным: Андрей очень тонко чувствовал женские сердца и безошибочно определял, когда «к нему потянулись». С другой стороны, несколько противоположных чувств омрачали его восторженное состояние. Это была и тревога за Лиану, ее странные приступы с потерей сознания, причем второй наблюдаемый им приступ отличался от первого. И вообще, эти постоянные намеки на свою раннюю смерть, ее работа с тяжелыми больными, невзирая на свое собственное состояние. Но, как ни парадоксально, это только усиливало остроту его чувств к Лиане. В ней было нечто от героинь Эдгара По: загадочность, тайные знания, непонятная болезнь, ранее угасание в ореоле мистики и тайны, словно, еще не обретя ее, он уже предвидел потерю, и это делало Лиану частью его Несбыточного.

Другим чувством, омрачавшим радость Андрея, была ревность и возмущение поведением мужа Лианы.

«Как он может так?! – Думал Андрей, переполняясь праведным гневом. – Неужели он не видит, что губит ее. Правильно Лиана говорит – завел бы любовницу, если невтерпех, а еще лучше, если бы благородно ушел, раз такой порядочный. Как можно свою прихоть ставить выше жизни человека, и какого человека?! Кому нужна такая семья?!»

Мысли о семье тотчас же перенесли Андрея к его личным проблемам с Леночкой. Он вдруг почувствовал острую жалость к этому ни в чем неповинному перед ним существу, с которым прожил два года, и, в общем, не так плохо прожил, ну, разве что немного скучновато, и ни разу ни на одну женщину не поднял глаз, пока не появилась Лиана. Андрей подумал, что если бы сейчас ребром был поставлен вопрос о разводе, то вряд ли это принесло бы ему большую радость: тут и уклад жизни, к которому он привык, и квартира, в которой чувствовал себя хозяином, и ощущение вины перед этой по сути дела еще девочкой, в чьей жизни он был первым мужчиной и которую до него никто даже по-настоящему не целовал. И потом, чем он лучше Анатолия? Любит Лиану, а продолжает заниматься сексом с постылой женой! Или все же не постылой? Ведь не так давно он провел с Леночкой бурную ночь, как в былые дни, когда они еще учились в школе. Андрей почувствовал стыд и, как в насмешку, в противовес этому стыду, отметил, что и сегодня без отвращения перепихнулся бы с женой, несмотря на все возвышенные чувства к Лиане.

«Ну и что бы я Ленке сказал, – пытался оправдаться Андрей, – если бы отказался выполнять супружеские обязанности... тьфу ты, слово-то какое мерзкое! Ясно, что она бы все поняла. И к чему бы это привело? С Лианой пока тоже ничего не ясно, и Ленки бы лишился, а ведь все же я к ней привык, и мне на эту корову не наплевать!»

«Эх ты, безумный Ромео, – презрительно вступил в диалог его внутренний оппонент, – по-старому жить уже не можешь, но хочешь, чтобы все оставалось как было, чтобы и волки сыты и овцы целы, да еще при этом ощущать свою духовность и благородство! Нет, дорогой, так не бывает, „в одну телегу впрясть неможно вола и трепетную лань“. Ты хочешь, чтобы все обошлось без жертв? Наивная мысль».

Андрей вновь ощутил мучительную раздвоенность. От этого внутреннего диалога двух «Я» ему стало совсем погано и он почувствовал, будто из него выкачали все силы.

«Скажу все Ленке! – торжественно произнесло его самолюбивое «Я».

«Ничего ты ей не скажешь, дружок! – саркастически ухмыльнулся оппонент. – Пороху маловато!»

Андрей понял, что, пожалуй, пока маловато, но ничего, он ей все скажет! Обязательно скажет... только не сегодня.

Вконец измученный этим диалогом, Андрей дошел до дома. Пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей, он начал читать «Легенды» Рериха, но они сегодня, несмотря на всю увлекательность, не шли в голову. Тогда Андрей уселся за стихи, сосредоточившись на обожаемом образе Лианы, и, действительно, вскоре он весь ушел в работу, и проклятый диалог прекратился. Через несколько часов получилось вот что. Стихотворение называлось «К Бхагавати 3».

Не смутив ни действием, ни словом —
Мыслью лишь, что Вы легко прочтете,
Где ваш лик ценнейшим из полотен,
Лаской поклоненья нарисован.

Буду весел, вежлив, остроумен.
Грусти лик оправлю в нимб улыбки,
Зная, из какой небесной зыбки
Вы пришли по дымным звездным струнам.

Ветвью стать! Ручьем, прохладой тени,
Беззаветно веруя удаче,
Позабыв, что остов мой прозрачен
Для потока жестких излучений,

Что, горя, всегда идешь на убыль,
Что я сам – под сенью вашей кроны,
Что загадка – высшие резоны
И не мне решать святые судьбы.

К тому времени, когда Андрей закончил, Леночка еще не пришла, очевидно вновь отправилась в больницу к отцу Сергию, и Андрей начал набирать номер Лианы: ему не терпелось вновь услышать ее голос и распирало от желания прочитать новое стихотворение, которое он потом должен будет прятать от Леночки – уж слишком явно его последние три стихотворения указывали на конкретного адресата. Лиана словно бы ждала его звонка и тут же подняла трубку.

– Андрюшенька? – тут же раздалось в трубке, не успел тот сказать «Алло». – Я почему-то знала, что это ты звонишь!

– Ну а как же я мог иначе? – обрадовался Андрей ее нежному «Андрюшенька». – Как ты себя чувствуешь? Я так волнуюсь за тебя!

– Все замечательно! – проворковала Лиана. – Ты так чудесно меня полечил, особенно там, на кухне, – прошептала она заговорчески. – А почему раньше не позвонил? Я уже соскучилась!

– Да я стихи писал, – выпалил Андрей – в душе его пели фанфары любви. – Хочешь, прочту?

– Ну конечно, конечно, обожаю твои стихи! – тут же согласилась Лиана...

– Мой звездный мальчик! – сказала она взволнованно, когда Андрей прочел последние строки. – Ты меня такой видишь? Ты не прав, я гораздо хуже: сегодня, вскоре после твоего ухода, звонили родители слепой девочки, о которой я тебе говорила, и я впервые попросила перенести сеанс на завтра – у меня не было сил после твоего поцелуя работать с ней. А сейчас мне безумно стыдно.

– Да что ты говоришь! – возмутился Андрей. – У тебя сегодня был приступ, как ты могла с ней работать!

– А раньше могла, даже после приступа!

– Да как ты не понимаешь, и как они этого не понимают?! Ты же погибнешь, если будешь работать с такими тяжелыми больными в таком режиме. В конце концов, если они такие эгоисты, то могли хотя бы подумать, что будет с их дочкой, если с тобой что-то случится? Даже из этих соображений, не говоря о других.

– Ты, конечно, прав, Андрюша, – впервые согласилась с ним Лиана, – и все же меня совесть мучает. Ты же сам написал, я даже запомнила: «Что, горя, всегда идешь на убыль». Ты меня устыдил своими стихами, я их не достойна.

– Ну что ты, как ты можешь так говорить?! Мне кажется, наоборот, что все мои слова слишком бедны и невыразительны, чтобы передать то, чего ты достойна!

– Хватит, льстец, – нежно сказала Лиана, – соблазнитель коварный! Ты всем женщинам такие чудесные стихи посвящаешь и такие изысканные комплименты говоришь?

– Да что ты, Ланочка, таких женщин, как ты, я и не встречал никогда, не то, что был знаком. А до тебя я стихи одной-единственной женщине посвятил, вернее, не женщине, а девочке десятилетней. А вернее – не девочке, а ее душе, которую я в сновидении встретил. То есть не в сновидении, а в астральном выходе – только я тогда еще не знал, что это астральный выход, мне всего десять лет было, – а стихи я гораздо позже написал, когда уже йогой начал заниматься и эту историю вспомнил – вначале я ее почти полностью забыл.

– Расскажи мне об этом, – голос Лианы стал серьезным.

В этот момент в прихожей раздался звонок, очевидно, Ланочке было лень вытаскивать ключи из сумочки.

– Слушай, – Андрей понизил голос, словно Ланочка могла услышать их из-за двери, – тут в дверь звонят, похоже, жена явилась – не запыхалась, я тебе потом все расскажу и стихи прочитаю. Когда мы можем встретиться?

– Давай во вторник, часов в десять утра, у меня по вторникам библиотечный день – можно просачковать. У тебя как во вторник?

– Нормально, у меня дежурство сутки – через двое, как раз отдыхаю.

– Тогда встретимся на станции метро «Ленинские горы», у последнего вагона, а то я боюсь тебя домой приглашать. Когда одна. А вдруг с собой не справимся? – то ли в шутку, то ли всерьез закончила Лиана. – Пока, мой звездный мальчик!

– Пока, моя звездная странница! – в тон ей попрощался Андрей.

Он повесил трубку и бросился открывать дверь, но Ланочка уже сделала это сама, не дождавшись реакции на свой звонок.

– Ты чего не открывал? – спросила она подозрительно. – Лень сахарницу от дивана оторвать?

– Не от дивана, а от унитаза, – соврал Андрей. – Ты всегда выбираешь лучшее время позвонить.

(В туалете действительно журчала вода, в целях маскировки Андрей сообразил ее спустить.)

Леночка начала стаскивать с себя пальто.

– Чего это ты сияешь, как медный чайник? – недовольно глянула она на Андрея.

– Оттого, что ты прошла по переулку! – разозлился Андрей. – Хмурый – плохо, веселый – опять плохо! Ты прям как прапорщик Епрст – всем недовольна. Что еще хорошего скажешь? («Что-то она часто срываться начала, – озадаченно подумал он, – раньше за ней этого не водилось. Или заподозрила?») Сама-то чего так поздно?

– Мы с нашими ребятами у отца Сергия в больнице были. Слава Богу, он на поправку пошел.

– И много у вас там ребят? – проворчал Андрей, но, чтобы Леночка не заподозрила его в ревности, прокомментировал: – Что-то не верится, там, в вашей общине, небось, одни бабульки.

– А вот тут ты как раз заблуждаешься, – уязвила его Леночка. Бабульки, конечно, тоже есть, вернее, не бабульки, а лет по 50—60. Между прочим, очень даже интеллигентные пожилые дамы. Но и молодежь есть – и девочки, и мальчики. Нас там человек 15 собирается. А чего ты так разволновался? У нас в институте тоже мальчиков много.

– Чего это мне волноваться? – пожал плечами Андрей. – Я тебя пасти не собираюсь, насильно мил не будешь. Если тебе взбрдет в голову роман закрутить, как я тебе помешаю? Задущу что ли, как Отелло Дездемону?

Мысль о том, что Леночка может закрутить роман, почему-то больно кольнула Андрея: как ни странно, раньше подобные мысли в голову ему не приходили. Он был слишком самонадеян и уверен в том, что у Леночки ничего ни с кем быть не может, – другое дело у него самого.

– А ты ревнуешь! – почему-то обрадовалась Леночка. – Признайся, ревнуешь ведь?

– Вот еще! – фыркнул Андрей. – Больше мне голову нечем забивать! Я считаю, что каждый человек волен сам принимать решение по вопросам личной жизни. Союз двух людей должен быть сугубо добровольным. Да и вообще, куда-то нас не туда занесло. Что значит «ревнуешь» – «не ревнуешь»?

– А я не знаю, ты сам этот разговор завел, – слегка передернула карты Леночка. – Между прочим, я тебя тоже в чем угодно заподозрить могу. Мало ли ты на «Скорой» разных женщин встречаешь? И сутки тебя дома нет – почему я знаю, что ты на дежурстве?

– Это уже совсем глупость! – возмутился Андрей. – В конце концов, сама можешь сходить на «Скорую», мой график проверить.

– Больше мне делать нечего, – хмыкнула Леночка, – сам сказал, что насильно мил не будешь!

– Ну и закончим этот дурацкий разговор, – примирительно сказал Андрей, – пошли лучше ужинать.

«Да, – подумал он, когда после ужина Леночка уселась на кухне за учебники, а сам он для вида улегся на диван с печатным пособием по Шиатсу известного японского массажиста Намакоши – текст совершенно не лез ему в голову, – что это я, действительно ревновать ее начал? Мало ли какие у человека увлечения могут быть! И все же, она ведь ни разу не предложила вместе пойти на их «православный ликбез». Другое дело, что я бы и сам не пошел, но предложить-то могла?! Я же ведь приглашал ее на наши встречи «непортальщиков» – хоть и видел, что она там чужая. Хотя бы из вежливости! А может, она и сама не хочет, чтобы я с ней ходил? Может, ей и правда есть что скрывать?»

«А впрочем, – возмутился другой его голос, – если даже у нее что-то там и есть, какое тебе до этого дело? Сам же себя уверял, что ее не любишь, а без ума от Лианы! Где же твой пресловутый здравый смысл? Тоже мне, собственник выискался! В конце концов, если она даже закрутила или закрутит с кем-то роман – это тебе только руки развяжет, и не будет повода для дурацких угрызений совести. С Лианой-то, похоже, дело всерьез намечается, ведь не просто так же она сказала, что ее потянуло ко мне как к мужчине? И какая нежность в голосе! Неужели женщина, которая к тебе ничего не чувствует и не строит по поводу тебя каких-то серьезных планов, может сказать, что теперь боится приглашать тебя к себе домой – мы, мол, с собой не справимся! Только непонятно, что же такого она во мне нашла?»

Андрей встал с дивана и начал рассматривать себя в большое старинное зеркало, которое, как семейную реликвию, подарила им на свадьбу мама. На него смотрел стройный, высокий молодой человек с длинными каштановыми выщипанными волосами и тонкими аристократическими чертами лица, правда, им несколько недоставало мужественности, и подбородок был маловат. Андрей стянул майку и стал осматривать свою фигуру. Конечно, он был несколько худощав, и мышцы его не отличались особой мощностью, но все же они выглядели достаточно рельефно, и вся его фигура дышала если не большой силой, то гибкостью и энергией.

«Разумеется, не Шварценеггер, – подумал Андрей (фотографию этого в те годы малоизвестного в Советском союзе актера он несколько раз видел на стенах у своих друзей), – но я же, в конце концов, не бодибилдингом занимаюсь, а йогой, а у йогов культуристических мышц никогда не бывает. Да и вообще, зачем эти горы мяса? Когда смотришь на культуристов, то кажется, что единственная лишняя деталь в их фигурах – это голова, а с головой у меня как раз полный порядок, да и остальное ничего. К тому же, я уверен, Лиана совсем не за внешность на меня внимание обратила – слава Богу, у меня и внутри кое-что имеется, – (Андрей вспомнил Лианиного мужа Анатолия, ростом, мощной фигурой и лицом напоминающего былинного богатыря, в сравнении с которым он сам выглядел несколько изящно), – к тому же у Лианы, может быть, вообще идиосинкразия к могучим мужикам вроде ее мужа, не случайно она с такой нежностью произносит „мой звездный мальчик“, – это как-то не вяжется с обликом Ильи Муромца».

Вдруг устыдившись своего неожиданного приступа нарциссизма, Андрей натянул майку и снова лег на диван с учебником, но вскоре глаза его начали слипаться (предыдущую ночь он дежурил и проспал урывками не больше двух часов), и он, в чем был, заснул прямо на диване, уронив голову на книгу. Утром выяснилось, что Леночка не стала его будить и спала в большой комнате одна. Это была первая ночь со времени их женитьбы, которую они провели на разных кроватях.

Через несколько дней Андрей с Лианой встретились в условленном месте на станции метро «Ленинские горы». Лиана коснулась его губ быстрым поцелуем, решительно взяла за руку, и они пошли вдоль Москвы-реки в сторону университета. Стояли первые дни декабря, но недавняя оттепель практически уничтожила весь снег, правда, этим утром вновь приморозило, и собравшаяся было зимовать трава покрылась изморозью и казалась сделанной из фарфора. Если добавить, что к тому же впервые за долгие дни небо очистилось и являло взору бледный, холодный диск солнца, а склоны Воробьевых гор обнажились и были пустынные, то нарисованная картина, несомненно, вдохновила бы какого-нибудь художника-пейзажиста на очередное бессмертное творение.

– Хорошо-то как, – вырвалось у Андрея, – словно природа специально для нас постаралась: и этот легкий морозец, и это безлюдье, и даже то, что снег сошел, – очень хорошо, какое-то дивное безвременье: ни зима, ни осень, ни город, ни пригород – прекрасная неопределенность.

– Да, – в тон ему продолжила Лиана, – ни супруги, ни любовники, но и просто знакомыми не назовешь.

– И это правда, – вздохнул Андрей, – но в этом даже есть какая-то прелесть, когда все так неопределенно: душа начинает волноваться и раскрывает свои тайники, в такие дни рождаются замечательные строки и полотна, наполненные волшебством. Казалось бы, надо стремиться к такой неопределенности как к идеальному душевному состоянию, ан нет – нам нужно, чтобы все было ясно, разложено по полочкам, чтобы черное – черное, белое – белое, и никаких полутонов. Может, потому люди и несчастны: стремятся к тому, к чему на самом деле и не нужно стремиться, и вечно живут одними планами на будущее – достигну этого, и тогда... добьюсь того, и свершится... А в действительности ничего не приходит, ничего не свершается – и настоящее не замечается, и прекрасное мгновение ускользает.

Произнеся «прекрасное мгновение», Андрей сразу же вспомнил Йохана Фауста, но не в гетевской интерпретации, а того, которого знал он, и прервал свой поэтический экспромт.

– А может, если всегда будет сплошное «между», то это тоже перейдет в привычку и перестанет волновать душу? – задумчиво сказала Лиана. – Может быть, смысл в вечных качелях: черное – белое, счастье – горе, добро – зло. Нет, мне кажется, полнота возникает в непрерывных перепадах, ты ведь сам, как я вижу, жаждешь некоей определенности в наших отношениях, а может, исходя из твоей концепции, оставим все как есть?

– Да нет, – запротестовал Андрей, – нельзя это так буквально понимать, конечно, существует и прекрасная неопределенность, но есть и реальная жизнь, и судьба, а пытаться обмануть судьбу – опасно. Меня, помню, поразила одна притча, которую я прочитал у Джека Лондона – не помню, в каком романе или рассказе, – о том, как двое влюбленных были так очарованы своими платоническими чувствами друг к другу, что решили удержать их на всю жизнь и договорились не вступать в супружеские отношения. Год из года их чувства и неудовлетворенная страсть друг к другу все росли и росли, а они по-прежнему позволяли себе только легкие прикосновения, и сдерживали свою страсть. Все им завидовали, говорили: какая замечательная пара – прошли годы, а они по-прежнему сохраняют чувства, как в юности, и по-прежнему смотрят друг на друга обожающе (никто не предполагал, что они никогда не были любовниками). Но однажды они проснулись и вдруг поняли, что совершенно равнодушны друг к другу: все перегорело и превратилось в золу. Они попытались обмануть природу, и природа им этого не простила.

– Вот видишь! – сказала Лиана. – Сам же себе противоречишь.

– Да нет, – сдал свои первоначальные позиции Андрей, – по поводу неопределенности это я так, теоретически, а в жизни все, конечно, по-другому. Как я могу желать, чтобы у нас все осталось как было, если меня тянет к тебе с невыносимой силой, если я ни о чем и ни о ком, кроме тебя, и думать не могу? Понимаю, что, может, разумнее было бы не усугублять, ведь ты замужем, я женат, и ни моя жена, ни твой муж перед нами не виноваты, но сделать с собой ничего не могу.

– Я, кажется, тоже, – серьезно посмотрела на него Лиана.

– И ты... – чуть не задохнулся Андрей. – Ланочка, любовь моя! – он рванулся к Лиане, но та мягко его остановила.

– Пойдем спустимся к реке, – указала она взглядом на ступеньки, ведущие к самой кромке воды. – Люблю на воду смотреть.

Москва-река была уже схвачена льдом, но усердиями речного катера-ледокола, пробивающего путь всяким буксирам и баржам, лед был превращен в крошево, и небольшие льдинки плавно покачивались около приступки к реке. Андрей и Лиана спустились на приступочку, Андрей обнял Лиану за плечи, и они некоторое время созерцали вспыхивающие на солнце сколы искореженных льдинок. Тут Лиана прижалась к Андрею, тоже крепко обняла его за талию.

– Мой звездный мальчик... – прошептала она, – куда нас с тобой несет?..

Андрей резко встал напротив Лианы и начал покрывать поцелуями ее ладони, выбившиеся из под вязаной шапочки волосы, веки, щеки, брови. Лиана поймала его губы жадным поцелуем и впиалась в них, словно от этого поцелуя зависела ее жизнь. Забыв обо всем на свете, несколько минут они раскачивались в объятиях друг друга, и Лиана не сделала ни одной попытки остановить Андрея. Не известно, сколько бы времени продолжалось это немое признание, но прервано оно было самым досадным образом. Невдалеке пророкотал буксир, тянувший через ледяное крошево огромную баржу, – на это страстные влюбленные не обратили внимания – и спохватились, только когда их ноги окатило ледяной волной.

– Ой! – взвизгнула Лиана. – Ну вот, – огорченно осмотрела она сапожки после того, как они с Андреем запоздало отскочили от края приступки, – все ноги мокрые – недобрый знак!

И, словно подтверждая ее слова, в небо с деревьев поднялась стая ворон, испуганная громким хлопком взрывпакета, очевидно взорванного среди деревьев каким-нибудь оболтусом, прогуливающим уроки. Увидав ворон, Лиана болезненно сжалась.

– Господи, – испуганно пролепетала она, – и вороны туда же! Стая как назло долго не желала угомониться и возмущенно каркала.

– Ангел мой! – нежно произнес Андрей, тихонько сжав ладонями ее затылок. («Кажется, так Фауст Маргариту называл», – почему-то промелькнуло в его голове.) – Что же ты так испугалась? Ничего не бойся, ты со мной, и я никаким силам тебя в обиду не дам, я чувствую, что только я смогу закрыть тебя в этой жизни от всех бед и напастей. То, что нас волной окатило, – так это даже здорово, это вроде как крещение, нам дали знак, что у нас начинается новая жизнь, прекрасная и светлая. А что вороны каркали, так что ж тут удивляться, каким-то силам, конечно, не нравится, что две половинки огромного сердца нашли друг друга – но тут уж ничего не поделаешь, черные всегда норовят палки в колеса вставить. Ничего, будем бороться. С другой стороны, все ведь от нашей установки зависит: если мы верим, что черная кошка, перебежавшая дорогу, несчастье приносит, то обязательно принесет.

– Ты так думаешь? – несколько расслабилась Лиана. – Дай Бог, чтобы все было, как ты говоришь. Я не случайно этих примет так боюсь, я ведь мужчинам только беды приношу. Взять того же Толю. Что же он не видит, что со мной происходит? Видит прекрасно, и мучается, а изменить ничего ни он, ни я не можем, и чем дальше нас ситуация заводит, тем более подурячки он себя ведет и тем сильнее петлю на наших отношениях затягивает, хотя все время хочет, чтобы все как лучше было. А у меня от его попыток все наладить, от его внимательности и нежности только раздражение растет и отвращение, сама не знаю почему. И если бы только он. Я ведь не святая, мне ведь тоже всегда хотелось любить и быть любимой, и года два назад я не выдержала и ответила на ухаживания своего давнего поклонника: мы с ним на Фурманном познакомились, звали его Саша Мазур. Прекрасный был человек, тоже сэнс, даосской философией увлекался, ушу, профессионально альпинизмом занимался – ну прямо мой идеал из юности, я тебе что-то про него рассказывала. И тоже когда мы с ним друг к другу потянулись, всякие знаки нехорошие... не хочу об этом вспоминать. И только-только мне показалось, что наконец счастье ко мне лицом повернулось и я наконец полюбила, он отправился на Памир и там в горах разбился, его тело даже обнаружить в ущелье не удалось – так и лежит, наверное, в зоне вечной мерзлоты под снегом. Были и другие случаи, и всегда они как-то нехорошо заканчивались, словно на мне проклятье какое-то. Не случайно меня в наших кругах роковой женщиной зовут. А ведь мне тоже обычного бабьего счастья немного надо, и влюбиться безоглядно хочется.

– Ты с этим Мазуром близка была? – ревниво спросил Андрей.

– Да, – сказала Лиана печально, – но недолго, всего полгода, я тогда от Толи к нему ушла, он тоже женат был, мы квартиру снимали, хотели после того, как он из своего альпинистского похода вернется, оба на развод подавать... Вот и подали. С того времени всего полгода прошло.

– А что Толя? – тупо спросил Андрей.

– А что Толя, – неприязненно передернула плечами Лиана. – Сначала он меня к Саше отпустил – по крайней мере ничего не сделал такого, чтобы удержать, а потом, когда ему стало известно о Сашиной гибели, пришел ко мне и бухнулся в ноги – вернись, мол, ради дочки, ради семьи – и все пошло по-старому... Я себе зарок дала, – печально сказала Лиана после некоторого молчания, – отказаться от женского счастья и полностью уйти в целительство, в мои видения, в мои путешествия по времени и пространству, в воспитание дочки, наконец. Вот только эти приступы – они все чаще и все тяжелее... иногда мне кажется, что я скоро умру – но я и с этим смирилась. И тут ты появился, мой звездный мальчик, – Лиана сквозь слезы улыбнулась Андрею, – и спутал все мои планы, теперь мне снова жить захотелось, хоть и знакомы мы с тобой всего две недели.

– Не две недели, а по меньшей мере пятьсот лет, – Андрей снова обнял Лиану за плечи. – Про Дургу и Рама забыла?

– Ах да, – грустно улыбнулась Лиана. – Конечно... Только у этой истории тоже печальный конец, но не буду тебе ничего говорить, а то шарахнешься от меня, как от прокаженной. Если Господу будет угодно, сам когда-нибудь ее досмотришь... а может, и нет, мне, например, не все истории до конца показывают. – Лиана грустно замолчала, по-видимому, припомнив печальные события из своих видений.

– Ладно, – сказала она, стряхнув наваждение, – что теперь делать-то будем? Ноги вдрызг мокрые, а на дворе не июль. Простудиться можно в два счета. Ну что, по домам? Жалко, такую чудную прогулку эта баржа испортила, я ведь так редко гуляю.

– Ну, поехали, – грустно сказал Андрей, – а то и правда заболешь, я-то не боюсь.

Они повернули обратно и сели в метро. Вагон был полупустой, Лиана прижалась к Андрею и крепко сжала его руку.

– Ты тогда по телефону начал рассказывать, что до меня единственной женщине стихи посвятил, а потом оговорился, что у тебя в детстве по поводу нее какое-то видение было. Расскажи, мне интересно.

– Да так, – неохотно отозвался Андрей, – детские грезы. Мне было лет десять, я с мамой в Трускавец на Нафтусю ехал, на поезде... и Андрей, что помнил, рассказал о своем первом неосознанном астральном выходе и о странной встрече в церкви с девочкой, как две капли воды похожей на ту, из сновидения. – Она часто потом в моих видениях приходила, – закончил Андрей свой рассказ. – Иногда она меня о чем-то предупреждала, иногда укоряла, только я никогда ее не слушался, все делал по-своему, словно назло ей. Правда, последние годы я ее перестал видеть, может, потому, что однажды во время астрального выхода замок Вечности на песке разрушил. А раньше мне казалось, что это действительно моя Единственная и что если я ее встречу, то жизнь совсем по-другому пойдет, и я покой и счастье обрету. Только теперь я ни во что это не верю, наверное, это всего лишь собирательный образ моей тоски по Несбыточному – просто детский способ утешиться хотя бы отчасти. А почему я все время мучаюсь? Не знаю. Иногда во мне два «Я» начинают разговаривать, словно адвокат и прокурор, и так порой душу изматывают – просто сил нет. Наверное, это от Фауста пошло.

– От Фауста? – Лиана вскинула бровь, на секунду ее глаза остекленели, словно перед ее сознанием начали разворачиваться картинки. Андрей испугался этого остекленевшего взора, слишком еще были сильны воспоминания о недавнем приступе Лианы.

– Я тебе как-нибудь потом об этой истории расскажу, – чуть встряхнул он Лиану, – она очень долгая и печальная, не хочу сейчас об этом. Я ее в астрале видел и довольно подробно помню. Давай я лучше тебе стихотворение прочитаю, которое я этой девочке из сновидения посвятил, она сказала, что ее в этой жизни Анной зовут.

И Андрей прочитал стихотворение, которое уже давно выучил наизусть (другие свои стихи он помнил плохо и постоянно сбивался). К концу стихотворения в глазах Лианы стояли слезы.

– Ты не обращай внимания, – хлопнула она носом, – я такая сентиментальная, когда расслаблюсь – обычно, когда одна – а тут и с другим человеком себе позволила. С остальными-то я королевой держусь – настоящая железная леди, тут я себе соплю распускать не позволяю... Это, конечно, не обо мне, Андрюша, – сказала она после некоторого молчания. – Может тебе эту Анну искать надо? А вдруг на нас с тобой беды посыпятся?

– Кого искать?! – возмутился Андрей. – Призрак? Да нет в этом земном мире ее. Это же как детские грезы о прекрасной принцессе – и я твердо знаю, что эту свою принцессу нашел, и у нее удивительное королевское имя Лиана, и я ей тоже несколько неплохих стихов посвятил, и еще не одно посвящу!

– Не неплохих, а замечательных, – нежно проворковала Лиана. – Мой звездный мальчик! – затем ее глаза вновь посерьезнели. – Есть на земле эта Анна, – сказала она несколько отрешенно, устремив взгляд в одну точку, – и даже в Москве она проживает, правда, где именно – не могу сказать, это мне мгновенная информация пришла. И встречались вы в прежних воплощениях, и любили, правда, мне показалось, что она с тобой как-то жестоко поступила, но не могу сказать, как – это не картинки, а так, ощущения.

Андрей внимательно посмотрел на Лиану.

– Очень жестоко! – произнес он отчетливо. – Она меня кинжалом заколола, правда, и себя потом. Но я пока больше ничего не хочу говорить. Я тебе как-нибудь потом расскажу, на это много времени нужно и собраться. Я всю эту историю в астрале видел.

– Ты мой сенситив великий! – нежно сказала Лиана, еще сильнее прижимаясь к Андрею. – Я пока первого человека встречаю, который, как я, свои воплощения может просматривать. А я много сенсов знаю, трепяются-то многие, а чтоб по настоящему – ты первый.

Поезд пришел на станцию метро «Бабушкинская», и Андрей отправился провожать Лиану, проклиная досадное происшествие с баржой.

– Ты меня дальше не провожай, – сказала она расстроено, когда они дошли до улицы летчика Бабушкина, – а то у моих соседок на скамеечке глазок-смотрок – кто с кем и когда – и ко мне заходить смысла нет, уже полпервого, дочка в час из школы возвращается, ее кормить надо, и все такое. Я хочу тебе предложить: ты завтра свободен?

– Свободен, у меня послезавтра дежурство.

– Эх, выгонят меня с работы! – словно бы решила на что-то Лиана. – Да ничего, потом наверстаю, у меня расписание достаточно свободное. Сам понимаешь, НИИ, старший научный сотрудник – позвоню на работу, что еще денек в библиотеке посижу, мол материал доработать не успела – я в лаборатории искусственного сердца работаю, – зачем-то уточнила она.

– Ты меня приглашаешь? – Андрей почувствовал дрожь во всем теле, понимая, что означает это приглашение.

– Да, милый, – очень серьезно сказала Лиана. – В эти дни я поняла, что если сейчас на что-то не решусь, то никогда уже не решусь! А с твоим появлением в моей душе словно солнышко засветило, птицы весенние запели. Приходи пораньше, часов в девять утра. У тебя ведь жена в институте будет?

– Да, слава Богу... – стараясь сдержать дрожь, проговорил Андрей.

– Ну и у меня – муж до пяти, дочка – до двух, у нее завтра шесть уроков.

Она прижалась всем телом к Андрею и прошептала:

– Я буду совсем тепленькая, и постелька моя будет тепленькая... – и, словно смутившись от своего недвусмысленного намека, она быстро поцеловала Андрея в губы, махнула ему и побежала к дому.

– До завтра, любимая, – только и успел прошептать ей вслед Андрей. Его внутренняя дрожь усилилась: предложение Лианы могло значить только одно – она хочет, чтобы они стали любовниками. Эта мысль, наряду со сладостным томлением, почему-то несколько испугала его.

«А как же Ленка»? – мелькнула в его голове провокационная мысль. Он понимал, что теперь все мосты сожжены, отказать Лиане – это значит потерять ее, и тешить себя дальше мыслями об их неопределенных отношениях бессмысленно.

«Ладно, – разозлился на себя Андрей, – тоже мне, мужик, нелюбимой жены испугался! Пора, наконец, на что-то решаться! Ты мечтал о любви и счастье? Что же, теперь на попятную?»

Стараясь отогнать сомнение, и думать о том, что должно свершиться завтра, Андрей пешком отправился домой. Но мысли, тем не менее, лезли в голову, и омрачали радость ожидания, Андрей хорошо понимал, что с завтрашнего дня в их отношения с Леночкой прочно войдет ложь. Хотя, почему с завтрашнего? Она уже вошла к ним с того момента, когда он впервые переступил порог квартиры Кремлевых. Разве он уже не изменил жене в своих мыслях, желаниях, разве не говорил Христос: «Кто посмотрел на женщину с вожделием, тот уже прелюбодействовал с ней в сердце своем»?

«В конце концов, – злился на себя Андрей, – миллионы мужчин изменяют своим женам и наоборот – и ничего, небо на землю не падает. А ты прямо гамлетовский вопрос решаешь: быть или не быть! Ты же прекрасно знаешь, что быть, и другого пути быть не может. Да и потом, ты что, с девкой с Казанского вокзала встречаешься завтра? Ты же встречаешься с той, кого по-настоящему любишь, и, возможно, любишь впервые в жизни, с той, которая любит тебя. Хоть напрямую она этого не сказала, но это же совершенно очевидно. Это-то как раз не безнравственно, а безнравственно то, что ты уже давно живешь с нелюбимой женщиной».

И, тем не менее, ему все же было не по себе оттого, что он сегодня будет встречать Леночку у порога, разговаривать с ней, как ни в чем не бывало, смотреть ей в глаза. А вдруг она будет с ним ласкова, вдруг она захочет сегодня близости? Нет, нет, этого нельзя допустить, его же просто измучит жалость к ней. Проклятая жалость, она всегда была его главным врагом! А может, все ей сказать? Разорвать отношения? Нет, только не сегодня!

Андрей пришел домой, перекусил и тут же лег в постель: предыдущую ночь он спал мало, поскольку был на дежурстве и, утомленный своими нравственными дилеммами, быстро заснул. Проснулся он, когда уже темнело, но Леночки все еще не было.

«Ну и черт с ней, чем позже, тем лучше, – подумал Андрей, – а лучше бы вообще ее сегодня не видеть!»

Он попробовал читать, но мысли были далеко, пощелкал переключателем телевизора, но по всем программам шла обычная скукотень. Чтобы не изматывать себя тягостным ожиданием, он отправился в центр, погулял по Арбату, зашел в кино, хоть уже сто лет не был в кино-театре, и посмотрел какую-то дурацкую, но очень смешную французскую комедию с Луи де Фюнесом. Затем бесцельно бродил по Александровскому саду, только чтобы попозже прийти домой, имеет же он право, в конце концов, погулять! Но время, как назло, шло медленно.

«Уж лучше бы к Чечикю съездил или к Вадику! – сердился на себя Андрей. – Быстрее бы время прошло». – Но в действительности ни Игоря, ни Вадика ему видеть не хотелось.

Гуляя по Александровскому саду, Андрей почему-то стал думать о своем далеком видении в поезде и о Единственной, хотя эти воспоминания уже давно его не посещали. Мысли на этот раз были приятными, погружали в атмосферу детства, и Андрей уселся на скамеечке, чтобы лучше сконцентрироваться на своих приятных ощущениях, уводящих его от проклятых внутренних диалогов. Какое-то время он сидел, погруженный в эту полумедитацию, когда вдруг в его сознании прозвучал чей-то тоненький голосок:

– Андрюша, иди сюда.

– Куда «сюда»? – мысленно вздрогнул Андрей. – Ну вот, голоса начались, совсем крыша поехала!

На всякий случай он осмотрелся вокруг. Естественно, ничего не обнаружил, затем закрыл глаза и начал сканировать пространство третьим глазом. В конце концов, он был практическим мистиком и понимал, что этот голосок мог быть не порождением расстроенной пси-

хики, но иметь вполне конкретный источник из иного измерения. Через несколько минут по его внутреннему экрану пошли световые круги, словно от камня, брошенного в воду, и экран действительно стал напоминать поверхность воды, только расположенную вертикально: вначале она была темной, ничего не отражающей, затем посветлела, стала прозрачной, и Андрей увидел точно тот же участок Александровского парка, куда были направлены его прикрытые веками глаза, только вечерний сумрак, немного рассеиваемый уличными фонарями, сменился знакомой рассветной белесой мутью, в которую он многократно погружался во время своих астральных путешествий, а окружающий пейзаж и ощущения очень напоминали его последний выход, когда он, «расправившись» с неверной женой и отцом Сергием, оказался на улице перед своим домом. Мимо него проходили люди (в саду было еще достаточно многолюдно), и снова, как тогда, рядом с некоторыми реальными людьми шествовали, пристроившись сзади, группки серо-коричневых лярв.

«Вот здорово, – лениво подумал Андрей, – никогда еще с закрытыми глазами, оставаясь в теле, реальный мир не видел, об этом я что-то у Бориса Сахарова читал в „Стрелке из лука“. Хотя, нет, один раз что-то было, но тогда стояла ночь, я лежал в своей кровати, и состояние казалось переходным, незадолго до выхода. Интересно, Лиана так может или нет?»

Неожиданно под деревом, напротив, он увидел маленькое существо, не больше куклы, в каком-то скоморошьем древнеславянском одеянии словно бы из невыкрашенного льна, без бороды и со светлыми взлохмаченными волосами. Человечек был совсем не страшным, да Андрей, собственно, его и не испугался, он уже привык к необычным встречам в параллельных мирах, правда, этот человечек не походил ни на кого из существ, которых ему довелось там встретить.

«Иди сюда!» – снова пропищал в сознании Андрея тоненький голосок, но на этот раз он напрямую связался с этим таинственным коротышкой.

Андрей попытался с закрытыми глазами, чтобы не терять изображения, подняться со скамейки, но вместо этого почувствовал на мгновение уже привычное раздвоение и понял, что его физическое тело осталось, где сидело, а астральное двинулось вперед, сразу приобретя привычный способ мышления и восприятия, характерного для астрала. Пройдя несколько шагов навстречу незнакомому существу (оно совсем не изменилось после выхода Андрея в астрал), он захотел обернуться назад, чтобы посмотреть, осталось ли его физическое тело сидеть на скамеечке, но маленький незнакомец сделал предупреждающий жест:

– Не оборачивайся, иначе обратно затянешься, а у нас впереди много дел, – пропищал он толи вслух, то ли мысленно.

Поскольку характер Андрея в астрале совершенно менялся, а в последнее время приобрел откровенно агрессивные черты, ему почему-то показалось оскорбительным, что какая-то шмакадявка указывает ему, опытному астральщику, что можно в астрале делать, а чего нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.